

ПРАВО НА ОТТЕПЕЛЬ

АННА ЛИС

Анна Лис

Право на оттепель

<https://litres.ru/74659373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы остановить войну, принцесса Элиана выходит замуж за северного короля Рейнара, хотя её сердце отдано другому. Брачный договор честен до жестокости: чувств никто не требует, а ключ от двери между покоем король оставляет ей.

Но на свадебном мосту Рейнар закрывает её ледяной стеной от рухнувшей арки, а в холодном дворце молча платит за чужие беды и отпускает тех, кого любит. Прежний возлюбленный не собирается сдаваться, ревность сжимает треугольник всё туже, а в Элиане пробуждается редкий дар, за которым начинается охота.

Ей предстоит выбрать по-настоящему: не из долга и не из страха, а потому что лёд наконец начал таять.

Содержание

Глава	4
Часть первая. Условия мира	8
Глава 1. Третья подпись	8
Глава 2. Король без портрета	28
Глава 3. Северные правила	46
Глава 4. Дом, который рассчитывал на корону	60
Глава 5. Недостающий вес	75
Глава 6. Тёплые камни	92
Часть вторая. Нити и письма	106
Глава 7. Права воздуха	106
Глава 8. То, что не было сказано	120
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Анна Лис

Право на оттепель

Глава

Право на оттепель

Любовное фэнтези

Расширенная редакция

Аннотация

Чтобы остановить войну, принцесса Элиана выходит замуж за северного короля Рейнара, хотя её сердце отдано другому. Брачный договор честен до жестокости: чувств никто не требует, а ключ от двери между покоем короля оставляет ей.

Но на свадебном мосту Рейнар закрывает её ледяной стеной от рухнувшей арки, а в холодном дворце молча платит за чужие беды и отпускает тех, кого любит. Прежний возлюбленный не собирается сдаваться, ревность сжимает треугольник всё туже, а в Элиане пробуждается редкий дар, за которым начинается охота.

Ей предстоит выбрать по-настоящему: не из долга и не из страха, а потому что лёд наконец начал таять.

Оглавление

Часть первая. Условия мира

Глава 1. Третья подпись

Глава 2. Король без портрета

Глава 3. Северные правила

Глава 4. Дом, который рассчитывал на корону

Глава 5. Недостающий вес

Глава 6. Тёплые камни

Часть вторая. Нити и письма

Глава 7. Права воздуха

Глава 8. То, что не было сказано

Глава 9. Бал белых лент

Глава 10. Письмо земель

Глава 11. Чужая печать

Глава 12. Зимняя мера

Глава 13. Подходящая замена

Часть третья. Право на выбор

Глава 14. Дорога через лес

Глава 15. Свидетельница

Глава 16. Закрытая галерея

Глава 17. Маленькие службы

Часть четвёртая. Предложенная корона

Глава 18. Полномочия на отъезд

Глава 19. Шесть печатей

Глава 20. Удобная должность

Глава 21. Лодочник и его дочь

Глава 22. Помощь без условия

Часть пятая. За закрытой дверью

Глава 23. Номер на обороте

Глава 24. Работа для двоих

Глава 25. Убежище для виновного

Глава 26. Подпись отца

Глава 27. Комната с видом на камень

Глава 28. Недоговорённое

Глава 29. Серебро помнит

Глава 30. Под водой

Часть шестая. Чужие земли

Глава 31. Восточная тропа

Глава 32. Плата за переправу

Глава 33. Женщина с чернилами на пальцах

Глава 34. Чёрная мельница

Глава 35. Не лететь одному

Глава 36. Комната на нейтральном берегу

Часть седьмая. Семь согласий

Глава 37. Без права собственности

Глава 38. Чёрный снег

Глава 39. Слабое место

Глава 40. Корона, которую можно не взять

Глава 41. Условия союза

Глава 42. Приговоры и письма

Глава 43. Два берега одной семьи

Глава 44. Право остаться

Эпилог

Первое лето

Часть первая. Условия мира

Глава 1. Третья подпись

В детстве Элиана думала, что река делит Аверн и Нордаль надвое, как нож делит хлеб: ровно, без жалости и без права на возражение. Мать однажды вывела её к мосту после весеннего разлива, присела рядом на корточки, не заботясь о подоле, и велела приложить ладонь к камню. Эту минуту Элиана помнила урывками, как помнят сны, из которых выносят не сюжет, а запахи: тёмно-медовая коса матери, перехваченная синей лентой; мокрая извёстка; холодный ветер, пахнущий талым снегом и рыбой; чей-то чужой смех выше по течению. Две серебряные пряди у висков матери она заметит много лет спустя, на старом портрете, и удивится, что в памяти их не было. Память, как и любая придворная дама, умела льстить.

Камень оказался тёплым, хотя вода под аркой ещё несла рыхлый талый лёд, и льдины, сталкиваясь, глухо стучали, будто кто-то внизу просил впустить его в дом. По шву, от основания до самого замка арки, бежала тонкая трещина, похожая на волос, прилипший к белой скатерти. Магических связей Элиана тогда не различала, но услышала, как под ладонью что-то отзывается. Не голосом, нет. Так звенит тугο

натянутая струна, когда её тронешь самым краем ногтя: звук не столько слышишь, сколько чувствуешь зубами.

— Река не выбирает берег, — сказала мать. — Это люди ставят ей в вину то, что сами не умеют делить.

Вода тащила мимо игрушечную лодку без мачты и прижимала к опоре ветку цветущей яблони. Мать вытянула лодку из течения и вложила дочери в руки, а лепестки оставила плыть. Они кружились у быка моста, прилипали к мокрому камню, отрывались и снова прилипали, и Элиана смотрела на них, пока не заболели глаза.

— А мост? — спросила она.

— Мост держится, пока каждый камень помнит, что он не весь мост.

Элиана не поняла. Дети редко понимают слова, которые потом всю жизнь принимают за собственные.

Мать умерла через три зимы, в тот год, когда река замёрзла до самого дна. Лодку без мачты Элиана сохранила. Мачту она так и не приделала: ей казалось, что это будет нечестно по отношению к той, что вытащила лодку из воды.

Много лет спустя, в тот день, когда её решили выдать замуж ради мира, она собиралась уволить дворцового садовника.

Не за мёртвые розы. Розы погибли ещё в июне, когда казначейство урезало расходы на воду, а господин Вельт упрямо поливал кусты из собственной кружки, обходя клумбы по утрам, как лекарь обходит безнадёжных больных, которым

уже ничего не обещает, но и бросить не может. Сам Вельт был сухим, обветренным человеком с руками, похожими на корни старой яблони; короткая седая борода не скрывала упрямого подбородка, а в углах глаз залегли такие глубокие морщины, что казалось, будто он вечно щурится от солнца, которого во дворце давно никто не видел. Уволить его следовало совсем за другое: он попытался продать королевскую оранжерею вместе со спавшим между кадками королевским лекарем. Покупатель уже внёс задаток.

— Лекарь шёл в придачу, — объяснил Вельт тоном человека, излагающего очевидное. — Отдельно за него никто бы не заплатил.

— Он живой человек.

— Тем хуже для цены, ваше высочество. Мёртвый хоть не просит обеда.

Элиана положила перед ним ведомость и придвинула пальцем, как придвигают улику.

— Жалованье вам задолжали за пять месяцев. Я вижу.

— За шесть, ваше высочество. — Вельт не повысил голоса; он вообще никогда его не повышал, словно берёг для какого-то последнего, решающего случая. — В этом месяце я тоже собираюсь есть.

Она пообещала разобраться. Садовник поклонился с осторожной надеждой человека, которому слишком часто обещали именно это, и вышел, неслышно притворив дверь. Тогда принцесса достала из ящика шкатулку, где лежали три

материнские броши, и выбрала ту, которую любила меньше всех: тяжёлую, с мутным гранатом, похожим на каплю несвернувшейся крови. В потемневшей крышке шкатулки мелькнуло её лицо. Тёмно-каштановая коса, выбившаяся у виска прядь, серо-зелёные глаза, которые при усталом свете казались почти бесцветными, как вода в мелком пруду. На портретах её учили держать подбородок выше; в жизни это помогало лишь не показывать, как давно она не спала. За последний год Элиана научилась не привязываться к украшениям. К людям отучиться не получалось, и она подозревала, что это не тот навык, который следует осваивать.

За окном ветер лениво перебирал пустые флажки, и верёвки позвякивали о металл, как ложечки в пустых чашках. Знамёна спустили после поражения у Семи Бродов; траур давно кончился, а новые полотнища не на что было купить. Дворец стоял голый, как дом, из которого вынесли мебель за долги, и только ласточки, гнездившиеся под карнизами, вели себя так, будто ничего не случилось.

Отец ждал её в Малой палате. Это была самая тёплая комната дворца, и только потому, что в ней единственной ещё топили камин: король Аверна сидел у огня, хотя на дворе стоял август, и грел ладони, которые когда-то удерживали коня на дыбах. За последний год волосы у него побелели у висков, щёки осунулись и пошли сеткой мелких жилок; только крупные руки по-прежнему лежали на подлокотниках с королевской привычкой занимать место. Канцлер Тарвен сто-

ял у стола, прямой и узкоплечий, и тень от него падала на стену длинной чёрной буквой. Волосы цвета воронова крыла были зачёсаны назад так гладко, что казались нарисованными; тонкие губы и ровный пробор выглядели продолжением его аккуратного почерка. На красном сукне лежал договор, придавленный ножом для бумаги.

Элиана прочла первые два листа молча. Бумага шуршала неприятно громко, и треск поленьев в камине казался рядом с ней почти деликатным.

Северное королевство Нордаль отводило войска за реку, возвращало пленных и открывало зерновую дорогу. Аверн на двенадцать лет отказывался от спорных крепостей. Драконам возвращали право зимовки в Белой котловине. Эльфийское посольство выступало свидетелем.

Но в договоре не было ни слова о том, почему понадобилось столько печатей и почему люди, подписывавшие мир, говорили о нём так, словно уступали не землю, а собственную правоту.

Ссора началась с воды. После двух засушливых лет Аверн поднял старую плотину у Верхнего изгиба, чтобы удержать весеннюю воду для полей. Северные города ниже по течению недополучили половодья в тот самый год, когда их мельницы и рудники целиком от него зависели. В Аверне решение называли спасением урожая; в Нордали кражей реки. Север ответил пошлинами на южное зерно и закрыл проход через три пограничные крепости. Аверн объявил пошлины неза-

конными, прислал обозы без уплаты и поставил гарнизон у старых бродов.

Потом спор перестал помещаться в королевские письма. В одной деревне нашли убитого сборщика, в другой сгорел склад, а на третьей переправе солдаты обоих королевств одновременно решили, что мост принадлежит именно им. Каждый ответ называли «вынужденным». Каждый следующий оказывался опаснее предыдущего.

Семь Бродов стали не началом войны, а местом, где она наконец показала себя целиком. Северные войска удерживали переправы, южане пытались вывести людей из низин, затопленных после разрушения старого шлюза. В метели командиры приняли спасательные лодки за подкрепление. К утру река унесла мостки, обозы и последнюю возможность договориться без посредников.

Элиана знала все эти версии. Слышала их в коридорах, в речах отца, в письмах Адриана, где каждая фраза была тщательно очищена от слов «мы начали». Ни одно государство не лгало до конца. Оба умели выбрать такую часть правды, которая оправдывала очередной приказ.

Драконья зимовка и эльфийские рощи оказались втянуты в спор позднее: армиям требовались топливо, безопасные дороги и тёплые стоянки. Старое соглашение связывало эти земли с семью узлами Предела, но его статьи со временем превратились в удобные доводы для тех, кто хотел распоряжаться чужим. Мирный договор обещал вернуть права. По-

ка он лишь называл людей, которым предстояло спорить о том, что именно было отнято.

На третьем листе стояло её имя.

Оно было выведено писцом красиво, с росчерком, каким пишут названия поместий и кораблей. Элиана смотрела на него и не узнавала, как не узнают собственный голос, впервые услышанный со стороны.

Она дочитала до конца, аккуратно сложила листы по сгибам и только тогда спросила:

— Невеста входит в перечень крепостей или в перечень пленных?

Отец прикрыл глаза.

— Элиана.

— Я уточняю юридическое положение. У крепостей хотя бы ремонт оплачивается отдельно.

Тарвен издал сухой звук, который при иных обстоятельствах сошёл бы за кашель.

— Король Рейнар сам предложил брачный союз.

— Удивительно. Мы ни разу не встречались, а я уже внушаю ему доверие.

— Он видел ваши расчёты по речным пошлинам, — сказал отец. — И переписку о раненых.

Это было хуже. Красоту можно было переждать, как лихорадку: она проходит, и жених, женившийся на красоте, рано или поздно обнаруживает рядом с собой человека и либо смиряется, либо нет. Расчёты означали, что жених знал, кого

покупает.

Она поднялась и подошла к окну. Внизу, на плитах двора, женщины в чёрном ждали выдачи пособий, стояли тихо, не толкаясь, и ветер трепал края их платков. Одна держала за руку мальчика в чужой, слишком большой куртке, и рука свисала ему до колен. Мальчик старательно перешагивал трещины между плитами, высоко поднимая ноги, словно от этого зависело что-то очень важное. Может быть, и зависело. У детей своя дипломатия, и она редко бывает глупее взрослой.

— Сколько зерна?

Тарвен назвал число. Элиана кивнула, будто слышала цену на рынке.

— И первый обоз?

— После венчания.

— До. Иначе это не договор, а проверка того, насколько сильно мы голодны.

Отец посмотрел на неё долгим взглядом. Огонь выхватил из его лица старые складки у рта и спрятал их снова.

Она не сказала ни «да», ни «нет». Пока у неё оставались условия, оставалось и чувство, что собственной жизнью ещё можно немного распоряжаться.

— Вдовьи пособия выплачиваются из возвращённых пошлин. Мои люди не становятся заложниками. Моя переписка неприкосновенна. В брачный договор внесут право на отдельные покои, собственное содержание и место в совете по

приграничью.

— Последнее северяне не примут, — сказал канцлер.

— Тогда вы женитесь на их короле. Вы прекрасно осведомлены о границах допустимого.

Отец неожиданно улыбнулся. Улыбка вышла короткой и виноватой, как у человека, которого поймали на том, что он гордится.

— Твоя мать торговалась бы за каждую строчку, — сказал он, когда Тарвен вышел. — И выторговала бы больше.

— Мать вышла замуж по любви.

— Да. — Король протянул руки к огню. — И всё равно торговалась. Любовь, дочка, не освобождает от необходимости читать приложения.

Позднее, уже одна, Элиана нашла на подоконнике записку. Узкие буквы она узнала раньше, чем развернула лист: Адриан всегда писал так, будто экономил чернила на каждой петле, и при этом никогда не экономил на словах.

«Буду у старого шлюза на закате. Не соглашайся ни на что до нашей встречи. Возьми тёплый плащ. А.»

Последняя строка была подчёркнута дважды. Элиана перечла её и почувствовала, как холодеют кончики пальцев. Адриан никогда не напоминал ей о плащах. Он напоминал о картах, о сроках, о забытых печатях. Плащ означал дорогу.

Она прижала бумагу к губам, неловко и почти сердито. В двадцать семь лет хотелось думать, что она стала мудрее. Но шесть лет любви не исчезали оттого, что на столе лежали

государственные печати.

Внизу мальчик всё ещё обходил трещины. Элиана сложила записку вчетверо, спрятала в рукав и позвала секретаря.

— Подготовьте мои поправки. И разыщите ювелира. Нам нужно заплатить садовнику.

* * *

Старый шлюз стоял за городской чертой, в стороне от дороги, и со времён войны к нему никто не навещался: створы позеленели от мха, а на балках поселились ласточки. Теперь между ними гудела вода, спущенная из верхнего пруда, и от неё тянуло сырым холодом даже в августовский вечер. Закат лежал на воде медными полосами, и каждая волна, поднимаясь, на мгновение становилась золотой, а потом гасла, как монета, брошенная в колодец.

Адриан ждал на другой стороне. Он пришёл без мундира, в сером дорожном плаще, который она помнила ещё с довоенных лет. Тогда они ездили осматривать весенние разливы, спорили о мостах до хрипоты и целовались под навесом мельницы, пока мельник старательно кашлял за стеной. От плаща пахло дождём и сухой полыньёю. Элиана всегда думала, что именно так пахнет возвращение домой.

Увидев её, он перешёл мостик тремя быстрыми шагами, и доски отозвались под его сапогами гулко, как барабан.

— Скажи, что это ещё не решено.

— Это ещё не подписано.

Он услышал разницу. Элиана когда-то любила смотреть,

как мысль пробегает по его лицу прежде, чем он подберёт слова. Рядом с ним никогда не требовалось угадывать, что человек чувствует: всё было написано заранее, мелким и неровным почерком.

У виска белела узкая полоска шрама, почти скрытая тёмными волосами; на подбородке после дороги проступила рыжеватая щетина. Безупречно красивым он не был. Нос когда-то сломали во дворе на тренировке, и он сросся с лёгким наклоном вправо, а левая бровь поднималась выше правой, едва Адриан собирался возразить. Элиана знала это лицо в десятках состояний: сосредоточенным над картой, смеющимся под дождём, серым от усталости, когда они возвращались из затопленных деревень. Она не знала только одного его выражения. Того, с которым он сейчас смотрел на неё: так смотрят на дом, в котором уже начался пожар, но ещё горит свет в окнах.

Его отец держал небольшую переправу и считал, что любой договор следует проверять на прочность телегой. Мать учила Адриана дипломатии, но он унаследовал от неё не терпение, а привычку задавать вопрос, на который никто не хотел отвечать. Именно этим он когда-то и понравился Элиане. Он умел видеть щель в слишком гладком объяснении. И порой принимал саму способность замечать ложь за право действовать без разрешения.

— Пойдём, — сказал он и взял её за руку. — Я хочу тебе кое-что показать.

Он повёл её не к воде, а за шлюз, туда, где под старыми вязами темнела мельница. Колесо давно не вертелось; на лопатках рос мох, и вода текла мимо, не заботясь о том, что когда-то была работой. Под навесом, на том самом месте, где они прятались от ливня шесть лет назад, стояли две осёдланные лошади. Гнедая и серая. К седлу серой был приторочен свёрток в промасленной ткани, и Элиана узнала его по форме: её собственная дорожная сумка, которую Мира, должно быть, отдала ему тайком, ещё не зная, зачем.

Сердце у неё оборвалось и упало куда-то очень глубоко, туда, где лежат детские страхи и самые стыдные желания.

— Адриан.

— Выслушай. — Он не отпускал её руку. — На западной дороге у меня друг, он держит постоянный двор у самой границы с Ильмарскими княжествами. Через четыре дня мы будем там. Через две недели в Ильмаре. Там никому нет дела до авернской принцессы, там нужны люди, которые умеют считать воду и строить мосты. Я узнавал. Я всё узнал, Лина. Есть место инженера при княжеском дворе, есть домик над рекой с садом, которому нужен кто-нибудь упрямее Вельта.

Он говорил быстро, и каждое слово было тщательно приготовлено заранее, как вещи, сложенные в дорожную сумку. Элиана слушала и чувствовала, как эти слова ложатся на неё, тёплые, тяжёлые, как плащ на плечи в непогоду. Домик над рекой. Сад. Утро, в котором не нужно никому кланяться. Она представила это так ясно, что почти почувствовала

запах яблок.

— А договор? — спросила она.

— Найдут другую невесту. У твоего отца есть племянницы.

— Которым по двенадцать и четырнадцать лет.

Он запнулся. Совсем ненадолго, на один вдох.

— Тогда найдут другой способ. Северу мир нужен не меньше, чем нам. Рейнар не станет начинать войну из-за сбежавшей невесты, он не настолько глуп.

— Он не станет. А его совет? А наши генералы, которые только и ждут повода сказать, что мир унизителен? А зерно, Адриан? Обоз не тронется, пока я не скажу «да». Ты понимаешь, что ты мне предлагаешь? Не побег. Ты предлагаешь мне купить свою свободу на хлеб, который не доедят эти женщины во дворе.

Он отпустил её руку. Серая лошадь переступила с ноги на ногу и фыркнула, и этот звук показался Элиане оскорбительно спокойным.

— Ты думаешь, я этого не понимаю? — тихо сказал он.

— Я три ночи не спал. Я считал этот хлеб. Я каждый мешок пересчитал, Лина. И каждый раз выходило одно и то же: я не могу отдать тебя ему. Я не умею. Может быть, это делает меня плохим подданным. Пусть. Но я не хочу быть хорошим подданным ценой того, что буду всю жизнь смотреть на тебя через стол на дипломатических приёмах.

— Ты предлагаешь это каждый раз, когда я с тобой не со-

глашаюсь.

— Потому что это единственное, что я могу предложить без лжи.

— Нет. Это единственное, что избавляет тебя от необходимости остаться и смотреть, как я решаю сама.

Он отвёл взгляд. От створов по воде тянулись длинные тени, и в одной из них дрогнуло его отражение, разбилось и снова собралось.

— Возможно, — сказал он наконец. — Я не горжусь тем, что умею придумывать только бегство. Но если ты скажешь, что хочешь ехать, я не стану спрашивать, кому ты обязана остаться. Скажи. Просто скажи, чего ты хочешь. Не чего хочет Аверн, не чего хочет твой отец. Ты.

Это был самый жестокий вопрос, какой ей задавали за всю жизнь, и он задал его с любовью.

Элиана подошла к серой лошади и положила ладонь на тёплую шею. Лошадь повернула голову и шумно вздохнула ей в рукав. Под пальцами билась жизнь, простая, понятная, не требующая подписей.

— Я хочу поехать, — сказала она. — Я хочу этого так сильно, что у меня болят зубы. Я хочу домик, и сад, и чтобы ты будил меня утром и говорил, что я опять уснула над чертежами. Я хочу, чтобы меня никто никогда больше не называл высочеством. Вот. Ты спросил.

Он шагнул к ней, и в его лице вспыхнула такая надежда, что ей стало физически больно на него смотреть.

— И я не поеду, — закончила она.

Надежда не погасла сразу. Она угасала медленно, как угасает закат на воде: сначала уходит золото, потом медь, и остаётся только тёмный, холодный блеск.

— Почему? — спросил он. Голос у него сел.

— Потому что тогда я буду знать, что купила наше счастье. И однажды, когда мы поссоримся из-за какой-нибудь ерунды, из-за невымытой чашки или сломанного колеса, я посмотрю на тебя и подумаю: вот ради этого. И ты увидишь, о чём я думаю. Ты всегда видишь. — Она сняла руку с лошадиной шеи. — Я не хочу, чтобы ты стал ценой. Ни для кого. И для меня тоже.

Адриан долго молчал. Потом отвязал свёрток от седла и протянул ей. Пальцы у него дрожали, и он даже не пытался это скрыть.

— Лошадей я верну другу, — сказал он. — Он будет разочарован. Он поспорил со мной, что ты откажешься.

— Сколько ты проиграл?

— Бутылку ильмарского вина и остатки самоуважения.

Она засмеялась, и смех вышел мокрым. Адриан тоже улыбнулся, криво, одной стороной рта.

Они вернулись к шлюзу и сели на каменный бортик. Камень был шершавым и нагретым за день, и это почему-то раздражало. Некоторое время они слушали глухой стук шлюзной цепи, мерный, как сердце спящего великана, и в этом стуке было больше согласия, чем во всех их разго-

ворах за последний год.

До войны Адриан Орсин служил при дипломатическом корпусе. Они познакомились, когда он принёс ей карту с перепутанными названиями двух деревень, и Элиана на полях дорисовала ему виселицу. С тех пор он возвращал все документы без единой ошибки. На третий год знакомства попросил её руки. Отец не отказал, только сказал, что придётся подождать окончания переговоров с западными княжествами. Потом началась война, и ожидание стало их обычной жизнью, как хромота, к которой привыкаешь настолько, что перестаёшь замечать.

Адриан полез во внутренний карман и достал кольцо. Тонкое, серебряное, с маленьким зелёным камнем, похожим на каплю речной воды, в которую упал луч.

— Я купил его в первый год войны, — сказал он. — Носил с собой у Семи Бродов. Думал отдать, когда всё кончится. Всё кончилось. Не так, как я думал.

— Адриан, я не могу.

— Это не обручальное. — Он взял её правую руку, не левую, и надел кольцо на безымянный палец. Оно село так, будто его мерили по ней. — Это просто кольцо. Чтобы ты помнила, что где-то есть человек, который не считает тебя неправимой ошибкой. Носи на правой. Пусть левая принадлежит договору.

Она смотрела на зелёный камень, и камень смотрел на неё. Нужно было снять кольцо и вернуть. Она знала это так же

ясно, как знала таблицу речных пошлин. И не сняла.

— Я получу место посланника в Нордали, — сказал Адриан.

— Не надо делать это ради меня.

— А ради кого мне это делать? Ради северного климата?

Она улыбнулась против воли.

— Там, говорят, снег лежит восемь месяцев.

— Значит, остальные четыре придётся терпеть пыль.

Он взял её руку, ту, с кольцом. Не потянул к себе, только держал, будто хотел запомнить её вес.

— Я не стану тебя поздравлять.

— Я и не прошу.

— И не перестану любить, потому что чужой священник произнесёт несколько слов. Я буду рядом. Каждый день, если понадобится. Я буду так близко, что ему придётся привыкнуть ко мне, как к сквозняку.

В этих словах прозвучало что-то новое, что-то, что ей не понравилось и чего она не сумела бы назвать. Не угроза. Обещание, у которого была слишком острая кромка.

Она закрыла глаза. Ей хотелось, чтобы он сказал что-нибудь менее прекрасное и более полезное. Например, что зерно уже на дороге. Что у мальчика у дворца есть отец.

— Пиши мне, — сказала она наконец. — Но не проси каждый раз бежать. Если я останусь, это должно быть моим решением, а не твоим поражением.

Адриан поцеловал её в висок. Она повернула голову, и

следующий поцелуй достался губам. В нём было знакомое тепло, и печаль, и немного отчаяния, которое они оба старались не называть. Он целовал её медленно, словно читал письмо, которое больше никогда не получит, и запоминал каждую строчку. Его ладонь легла ей на затылок, под косу, и Элиана подумала, что вот так, наверное, и прощаются: не словами, а тем, что тело ещё помнит, а будущее уже не обещает.

На обратном пути вода вдруг вспыхнула белым. По дну шлюза, от одной железной скобы к другой, протянулась тонкая нить и задрожала в такт ударам цепи, как паутина на сквозняке.

Элиана остановилась. Нить звенела. Она слышала этот звон не ушами: он отдавался под рёбрами, точно так же, как когда-то под детской ладонью, прижатой к тёплому камню моста.

Она моргнула. Нить исчезла.

— Что такое? — спросил Адриан.

— Ничего. Показалось.

Дар её матери проявлялся поздно, порой после тридцати: Вейры умели чувствовать повреждения в камне. Сама Элиана до сих пор могла лишь согреть воду в чашке, и то если вода заранее была тёплой. Придворные называли это деликатной магией. Адриан называл дипломатическим кипятком.

Она решила, что просто устала.

* * *

Дома её ждала Мира, подруга детства, фрейлина и единственный человек во дворце, способный заявить принцессе, что та похожа на мокрую цаплю, и не рискнуть при этом должностью. Мира была ниже Элианы на голову, мягко сложена, с россыпью веснушек на переносице и густыми каштановыми кудрями, которые не желали мириться ни с одной придворной шпилькой. Тёплые карие глаза умели смеяться даже тогда, когда сама Мира ещё не решалась. Сейчас она сидела на подоконнике с поджатыми ногами и разбирала пачку писем, зажав в зубах карандаш.

Увидев Элиану, она вынула карандаш изо рта и долго молчала. Потом посмотрела на дорожную сумку в её руках.

— Ты вернулась.

— Ты знала?

— Он попросил собрать твои вещи. Сказал, что это на случай поездки к родственникам. — Мира сползла с подоконника. — Я не дура, Лина. Я собрала тёплые чулки и твою книгу о водяных колёсах. И потом весь вечер сидела здесь и думала, что буду делать, если ты не вернёшься. Придумала только одно: поехать следом и отрубить вас обоих.

— Мне жаль.

— Мне тоже. — Мира забрала у неё сумку и поставила на сундук. Потом заметила кольцо на правой руке и не сказала ни слова. Только губы у неё на мгновение сжались, будто она проглотила что-то горькое.

— Нам прислали северный церемониал, — сказала она

уже другим, деловым голосом. — Невеста обязана стоять перед женихом с непокрытой головой.

— Это разумно. Он сможет убедиться, что голова у неё есть.

— И держать серебряную чашу.

— Для слёз?

— Для вина. Но никто не запрещает совмещать.

Элиана засмеялась, и от этого внезапно стало легче дышать. Мира обняла её. На мгновение слишком крепко, так, что хрустнула застёжка на платье.

— Я еду с тобой, — сказала она ей в плечо.

Элиана обняла её в ответ, благодарная за то, что хотя бы об этом не придётся просить.

Ночью она долго сидела у окна. Луна стояла над рекой, и где-то далеко, на северном берегу, мерцали огни чужих застав. Элиана сняла зелёное кольцо, подержала его на ладони, поднесла к свече, и камень загорелся изнутри, как глаз какого-то маленького лесного зверя. Потом снова надела. На правую руку. Левая пока оставалась пустой, и ей казалось, что именно эта пустота весит больше всего.

Глава 2. Король без портрета

Рейнар Вальд прибыл на границу раньше своего портрета.

Портрет застрял на переправе из-за дождя, и король, не желая его дожидаться, переправился верхом. Элиана сочла это хорошим знаком. Человек, способный обходиться без собственного изображения, заслуживал хотя бы внимательного рассмотрения.

Монастырь Святого Ильдана стоял на нейтральном берегу, на скале, о которую река разбивалась в белую пену. Его построили триста лет назад как убежище для тех, кто устал от обоих королевств сразу, и с тех пор монахи гордились тем, что не помнят, к какому из берегов принадлежат. Ворота были открыты. Во дворе под навесом мокли северные лошади, крупные, мохноногие, с заплетёнными гривами, и одна из них, вороная, с белой звездой на лбу, проводила Элиану таким высокомерным взглядом, что Мира шепнула: «Это, наверное, и есть король».

Он ждал в трапезной.

Выше, чем на тех портретах, что успели добраться до Аверна, плечистый, но не тяжёлый, он явно привык к седлу и потому в тесной комнате двигался осторожно, как человек, которому не хочется задеть чужие вещи. Тёмные волосы у виска серебрила ранняя прядь. Нос когда-то был сломан и сросся чуть криво. Глаза казались серыми, пока он молчал;

стоило ему улыбнуться, в них проступал зеленоватый оттенок зимней воды. Короны на нём не было, зато была перевязанная ладонь, и она говорила о нём больше любого знака власти: он берёт руку, но всё равно сам отодвинул тяжёлый стул, не дожидая монаха.

— Ваше высочество.

— Ваше величество.

Они поклонились друг другу через стол, рассчитанный на сорок монахов. Для предстоящего разговора расстояние показалось подходящим.

В трапезной стоял запах, который бывает только в старых монастырях: воск, кислая капуста и холодный камень, напитавшийся столетиями молитв. Под потолком висела закопчённая лампада, а на стене выцветшая роспись изображала святого, кормящего птиц. Птицы давно облупились, остался один святой, смотревший с укором на пустые тарелки.

Рейнар сам перенёс два стула к окну, туда, где было светлее, и поставил их не друг напротив друга, а чуть наискосок, как ставят стулья для разговора, а не для допроса. Элиана отметила это. Она отмечала всё: привычка, оставшаяся от долгих лет, когда каждый жест посла мог означать новую пошлину.

— Вы внесли девятнадцать поправок.

— Двадцать одну. Две канцлер вычеркнул до отправки. Я привезла их отдельно.

— Начнём с них. Обычно самое интересное вычёркивают.

Она достала бумаги. Снаружи кричали галки, пахло мокрой шерстью его плаща и хлебом из монастырской пекарни. Всё было неприлично обыкновенным для минуты, когда решалась её жизнь. Ей казалось, что такие минуты должны сопровождаться хотя бы громом.

Поправка о зерне оказалась принята. Обоз уже шёл к южным заставам.

На этом месте Элиана впервые подняла глаза от листа.

— Вы отправили его до моего согласия?

— Люди едят независимо от того, женат я или нет.

— Ваш совет с этим не согласен.

— Мой совет считает, что я должен жениться на женщине с флотом. Вы, случайно, ничего не скрываете?

— Лодку в нижнем парке. Но у неё течёт корма.

— Придётся завоёвывать моря постепенно.

Голос у него оказался ровный, невозмутимый, чуть глуховатый, как у человека, который много говорит на холоде. Шутка почти не меняла его лица, только в уголке рта появлялась складка и тут же исчезала. Красота Рейнара была наименее занимательной из его черт. Он произносил самые неприятные условия тем же тоном, каким просил передать соль, и не пытался заворачивать их в любезность.

Чтобы подписать первую поправку, он снял перчатку. На указательном пальце белел след старого пореза, а по ладони тянулась неровная блестящая кожа, будто рука когда-то побывала в огне, хотя Элиана позже узнает, что всё было на-

оборот. Он поймал её взгляд.

— Следствие неудачной попытки доказать, что я умею чинить лодки.

— И каков был вывод?

— Что лодки не доверяют принцам.

В ту минуту Элиана решила, что он не любит говорить о себе. Позже она поймёт: он просто не считал собственную боль достаточным поводом занимать чужое время.

Они обсуждали состав её двора, переписку, деньги, право на поездки. Он читал её поправки внимательно, иногда возвращаясь на строчку назад, и дважды спросил, что она имела в виду, а один раз сказал: «Это лучше, чем было у нас», и исправил собственный пункт. На участии в совете Рейнар задержался.

— Голос по вопросам приграничья у вас будет. Доступ к военным картам только с моего разрешения.

— Я не собираюсь красть ваши крепости.

— Рад слышать. Мне пока негде хранить ваши.

Она посмотрела на него без улыбки. Пора было сказать то, ради чего она, в сущности, и приехала. Слова лежали у неё на языке с утра, гладкие, отполированные бессонной ночью.

— Я люблю другого человека.

Рейнар не отвёл взгляда. Только пальцы здоровой руки легли ровнее на край стола, будто он проверял, крепко ли стоит этот стол.

— Мне сообщили.

— Кто?

— Ваш канцлер. Мой канцлер. Мой начальник охраны. Три купца из Ильмара и, если не ошибаюсь, один очень словоохотливый монах на переправе. — Он помолчал. — Посланник Орсин. Я читал его депеши во время перемирия. Он пишет так, будто каждая запятая ему лично обязана.

Элиана почувствовала, как кровь прилила к щекам, и разозлилась на себя за это.

— Его имя не должно стать поводом для преследования.

— Если он сам не даст другого повода.

— И вы не будете требовать от меня чувств.

— Требовать чувства бессмысленно. Даже от собственно-го коня. Я пробовал.

— И что конь?

— Укусил меня за плечо. С тех пор мы уважаем друг друга на расстоянии.

Он замолчал и некоторое время смотрел на галок, которые устраивали драку на карнизе. Одна, побольше, отбила у другой корку хлеба и тут же уронила её вниз, в реку. Обе проводили корку одинаково обиженными взглядами.

— Мне нужны мир и союзница, которая понимает цену подписи, — сказал он наконец. — Спальня в договор не входит. Вопрос наследника решим отдельно, когда закончится первый голодный год. Если вообще придётся решать его вместе.

Это было настолько неожиданно, что Элиана не сразу на-

шла следующий вопрос. Она готовилась к торгу. К снисхождению. К тому, что ей объяснят, в чём состоит долг королевы. Она не готовилась к тому, что ей вернут её собственную жизнь, аккуратно сложенную, как платок, и положат на стол рядом с договором.

— Почему я?

Рейнар помолчал, и в паузе впервые проступила усталость, глубокая, привычная, словно он носил её так давно, что перестал замечать.

— Ваш отец просил отложить разговор о раненых до решения вопроса о территориях. Вы отправили врачей без его ведома. Моих людей тоже лечили.

— Я оплатила дорогу из личных средств.

— Я знаю. Вы умеете нарушать приказ так, чтобы последствия достались вам. При дворе это редкое качество.

Он сказал это очень просто. А потом, когда она уже собиралась ответить, добавил тише, почти про себя:

— Один из тех людей был моим знаменосцем. Ему было девятнадцать. Ваш лекарь сидел с ним до утра, хотя знал, что не спасёт. Мальчик умер, держа его за руку, и не думал, что его держит враг.

Позднее она не раз вернётся к этому ответу и станет искать в нём недосказанное. И найдёт. Но тогда ей показалось, что среди требований, обязанностей и умерших роз наконец нашлось нечто твёрдое, на что можно поставить ногу.

* * *

Вечером подписывали предварительный договор. Печати проверяла эльфийская свидетельница Саэль, узкая серебряно-волосая женщина с терпением старого дерева. Волосы она убирала в простую косу, а тонкое лицо хранило неподвижность, которую Элиана сперва приняла за холодность; позже выяснится, что Саэль просто не раздавала выражений лица без надобности. В свете свечей она казалась вырезанной из светлого дерева, и только пальцы, перебиравшие печати, двигались быстро и точно, как у старой кружевницы.

Когда Элиана коснулась серебряного обода чаши, вдоль него пробежала белая нить. В пальцах кольнуло короткой болью.

Рейнар заметил.

— Край острый?

— Нет. Кажется, холодный.

Саэль подняла глаза, но ничего не сказала. Только взгляд её задержался на руке Элианы, на правой, где зелёный камень горел в свете свечей, и эльфийка чуть заметно наклонила голову, как наклоняют её над сложной задачей.

Третью подпись Элиана поставила ровно, не дрогнув пером. Потом вернула его королю.

— Лодку я всё-таки оставляю себе.

— Разумная предосторожность, — ответил он.

* * *

Венчание состоялось на мосту между двумя государствами, и дождь с первой минуты дал понять, что не намерен

быть почётным гостем.

Архитектор возражал, жрецы возражали, начальники охраны возражали особенно подробно, с чертежами. Но канцлеры постановили, что середина моста достаточно символична, чтобы оправдать любые неудобства, и на этом искусство дипломатии было исчерпано. Дождь в переписку не входил, а потому лил беспрепятственно, тяжёлый, косой, с привкусом железа.

Элиана держала серебряную чашу обеими руками. Вино в ней медленно слабело, разбавляясь небом.

Чаша была старой, совсем не парадной. По ободу тянулись мелкие насечки, и каждая означала свадьбу, перемирие или клятву, а клятвы, как знала Элиана из архивов, живут недолго и редко переживают собственных свидетелей. Семь поколений рук стёрли серебро у ножки до тусклого блеска. На донце виднелась крошечная заплатка ремонта, похожая на стежок, которым штопают рукав. Элиана нащупала её ногтем и вздрогнула: по пальцу прошло тепло, не принадлежавшее ни рукам, ни вину. Так, наверное, чувствует себя человек, положивший ладонь на бок спящего зверя.

Мост пах мокрой известью, лошадиным потом и речным холодом, тем, острым и тёмным, что поднимается от воды перед рассветом. По каменным перилам шли два герба: южный сокол смотрел на восход, северный олень вглядывался в горы. Между ними оставили пустое место, и в него набивался дождь, оседая мутной серебристой пылью.

От ливня река набухла и почернела, будто под аркой медленно ворочалось расплавленное сланцевое стекло. Берега шевелились. Авернские солдаты в промокших синих плащах теснились напротив северных лучников, у которых на меховых воротниках ещё держался ночной иней; между ними пробивались купцы, вдовы, любопытные дети, которых взрослые безуспешно отгоняли от ограждений. Над алтарём натянули полотнища, а по краям моста поставили две временные арки из еловых жердей, увитые лентами, синими и белыми. Ветер рвал ленты, и те бились о столбы, как пойманные птицы. Служительница пыталась удержать книгу обряда под полрой плаща и проигрывала эту битву с достоинством.

Архитектор, мокрый до последней пуговицы, всё ещё шептал канцлерам, что середина моста не рассчитана на алтарь.

— Если он рухнет, — заметила Элиана, — по крайней мере, часть церемонии завершится без дополнительных расходов.

— Ваше высочество, — прошипел Тарвен, — не следует говорить такое при строителе.

— Тогда не ставьте алтарь там, где строитель предсказывает обвал.

Рейнар склонился к ней, заслоня слова от ближайших свидетелей. От него пахло мокрой кожей и дымом, и ещё чем-то холодным, чистым, как пахнет воздух перед снегопадом.

— Я предложил перенести церемонию в часовню. Архитектор сказал, что вода символически важна.

— Так и сказал?

— Он сказал, что всё равно не успеет возвести крышу. Я выбрал более благородное объяснение.

— Вы смотрите на чашу так, будто прикидываете, нельзя ли её разбить и тем остановить церемонию, — добавил он чуть погодя.

— Я рассматриваю её как дипломатический инструмент.

— Она пережила три войны.

— Значит, разбить её будет трудно.

— Не уверен, что хочу это проверять.

Дождь забарабанил по натянутым над алтарём полотнищам. Где-то внизу, под мостом, гулко переговаривалась вода.

На южном конце моста стоял её отец, закутанный в тяжёлый плащ, и мокрые седые пряди липли ему ко лбу. Рядом с ним был Тарвен, а чуть дальше Адриан в посольском синем. Элиана старалась не смотреть туда слишком часто. Адриан стоял безупречно прямо и безупречно вежливо, с лицом, которого она никогда у него не видела, и это чужое выражение ранило глубже любого открытого отчаяния. Он не смотрел ни на жреца, ни на короля. Он смотрел только на неё, и под этим взглядом ей казалось, что дождь стал теплее, а чаша тяжелее.

Жрец заговорил о соединении судеб. Саэль мягко его поправила: соединяются дома и обязательства, судьбы остаются

ся в ведении их владельцев. Возникла короткая богословская заминка, в которой ни одно из двух королевств не нашло, на чьей стороне быть.

— Мне нравится ваша свидетельница, — шепнула Элиана.

— Подождите, пока увидите её счёт.

Рейнар взял чашу за второй край. Их пальцы не коснулись друг друга. Она заметила, как аккуратно он это сделал, будто неровное серебро могло обжечь обоих.

И в этот миг налетел ветер.

Он пришёл с реки, низкий, тяжёлый, и ударил в полотнища над алтарём, как в парус. Ткань вздулась, хлопнула. Элиана услышала треск. Не сверху, сбоку: левая арка из еловых жердей, та, что стояла над самым краем моста, накренилась, вывернула из каменного гнезда опорный столб, и вся конструкция, с лентами, с мокрой хвоей, с железным фонарём на верхней перекладине, пошла вниз, прямо на алтарь.

Кто-то закричал. Элиана видела всё очень ясно и очень медленно, как видят во сне: качнувшийся фонарь, белое лицо служительницы, обрывок синей ленты, летящий по ветру. Она не успела даже поднять руки.

Рейнар успел.

Он не оттолкнул её и не заслонил собой. Он вскинул левую ладонь, ту, что была перевязана, и воздух вокруг них вдруг стал плотным и звонким. Дождь, летевший косыми струями, замер. Капли повисли в воздухе, превратились в ле-

дяные бусины, и в одно мгновение между падающей аркой и алтарём выросла стена из прозрачного, синеватого льда, тонкая, как стекло в соборном окне. Арка ударила в неё. Лёд пошёл трещинами, застонал, но выдержал. Фонарь сорвался с перекладины, разбился о ледяную стену, и горящее масло стекло по ней, шипя, рисуя на прозрачной поверхности огненные дорожки.

На мосту стало тихо. Только дождь, снова получивший свободу, стучал по льду, и лёд тихо звенел в ответ.

Элиана медленно повернула голову. На южном конце моста, в трёх шагах от алтаря, стоял Адриан. Он бросился вперёд, когда затрещала арка, перепрыгнул через ограждение, растолкал стражу, и теперь замер с протянутой рукой, которая так и не дотянулась. Его лицо было мокрым от дождя, и в этом лице она увидела то, чего не хотела видеть никогда: понимание, что он опоздал. Не сейчас. Вообще.

Их взгляды встретились над её плечом, его и Рейнара. Это длилось не больше одного удара сердца. Но Элиана почувствовала этот взгляд кожей, как чувствуют сквозняк из двери, которую кто-то открыл в соседней комнате.

Рейнар опустил руку. Повязка на ладони побурела: открылась рана. Ледяная стена позади них начала оседать, плакать, стекать на камни мутной водой.

— Продолжаем, — сказал он ровно, будто ничего не случилось. Только голос у него стал ниже, и Элиана заметила, что у него посинели губы. — Если, конечно, никто не возра-

жает.

Никто не возражал. Даже архитектор.

Когда они произнесли клятву, серебро нагрелось. Над мостом, прямо в сером ливне, вспыхнула сеть светлых линий: от каменных опор к воде, от печатей к людям, от её запястья к руке короля. На одно мгновение мир сделался прозрачным, как лёд над глубокой водой, и под привычными вещами обнаружилось что-то натянутое, тонкое, терпеливо ждущее разрыва. Элиана услышала его. Не ушами: звук ото-звался где-то под рёбрами, низкий, как дрожь струны в пустом зале.

Она качнулась.

Рейнар подхватил её под локоть. Сеть погасла.

— Дышите, — сказал он так тихо, что слышала только она. — Сейчас ничего не нужно делать. Только дышать.

Его пальцы были ледяными даже сквозь перчатку. Она вдохнула. Выдохнула. Мир вернулся на место: дождь, мост, мокрые ленты, отец на южном берегу.

Как только он убедился, что она стоит твёрдо, он отпустил её руку. Сразу. Без лишних слов и без жалости. Почему-то именно это ей и запомнилось.

* * *

Свадебный обед устроили в пограничной крепости, в зале с низкими сводами, где пахло жареным мясом, мокрыми псами и можжевельником. Гости рассуждали о вечной дружбе с видом людей, предусмотрительно державших ору-

жие под рукой. Мира обошла новый двор, запомнила имена и доложила, что у северян недопустимо мало прилагательных.

— Один человек сказал мне, что платье хорошее. Просто хорошее. Даже не ослепительное.

— Возможно, он боялся ослепнуть, — ответила Элиана.

— Зато про короля они говорят много. — Мира понизила голос. — Говорят, он три года не пользовался даром. С самых Семи Бродов. Врачи запретили. Говорят, ещё один раз, и он может лишиться руки совсем.

Элиана поставила бокал. Нашла глазами Рейнара на другом конце зала. Он стоял с военными, слушал кого-то, кивал, и левую руку держал за спиной. Новая повязка была белой и чистой. Он ни разу не посмотрел в её сторону, и ей вдруг очень захотелось подойти и спросить, зачем. Зачем было рисковать рукой ради женщины, с которой он подписал договор без спальни. Она не подошла. Вопрос казался слишком личным для первого дня брака. Ответ, подозревала она, мог оказаться ещё более личным.

Адриан подошёл, когда короля отвлекли военные. Элиана почувствовала его раньше, чем увидела: по запаху полыни, пробившемуся сквозь запах дождя.

— Госпожа королева.

Она обернулась.

— Не произноси это так.

— Как?

— Словно я умерла, а ты соблюдаешь приличия на похоронах.

Он побледнел так сильно, что шрам у виска проступил белой чертой.

— Прости. Я стараюсь. — Он помолчал. — Я бежал к тебе. Там, на мосту. Ты видела?

— Видела.

— Я не успел.

— Никто бы не успел, Адриан. Это было слишком быстро.

— Он успел. — В его голосе не было злости, только какая-то оглушённая растерянность, как у человека, которому сообщили, что дом, в котором он вырос, продан. — Знаешь, о чём я думал, пока бежал? Что если с тобой что-нибудь случится, я сброшу его с этого моста. А потом увидел лёд и понял, что ему не нужна моя помощь. Ни в чём.

— Адриан...

— Я рад, что ты цела, Лина. Правда рад. Это самое отвратительное: я рад и ненавижу его за то, что могу быть рад только благодаря ему.

Он коснулся зелёного кольца на её правой руке. Она не отдернула пальцы и не сняла кольца. Обручальное, простое, серебряное, лежало на левой и казалось тяжелее камня.

С другого конца зала на них посмотрел Рейнар, коротко и внимательно. Он видел, как затягивается разговор, видел руку Адриана на её пальцах, и остался у своего места: не вмешался, не шагнул ближе, не окликнул. Только бокал в его

здоровой руке, Элиана могла бы поклясться, покрылся тонким белым инеем, от ножки до самой кромки, и вино в нём, наверное, стало холодным, как родниковая вода. Он поставил бокал на стол и отвернулся.

Элиане пришлось самой решать, когда это закончить. Такая свобода требовала куда больше сил, чем любое покровительство.

— Иди, — сказала она Адриану. — Пожалуйста. Не сегодня.

Он ушёл. Она смотрела ему вслед и не видела, что Мира тоже смотрит ему вслед, и что лицо у Миры в эту минуту было такое, какого Элиана у неё никогда не знала.

* * *

В Нордаль она ехала в отдельной карете. Позади остались холмы Аверна, которые из-за дождя казались спинами спящих животных, и она не позволила себе обернуться. Впереди темнел лес, и над ним поднимались серые скалы, острые и голые, как зубы.

На закате над дорогой появился дракон.

Он скользил над холмами почти бесшумно, и в разрыве туч вдруг полыхнуло: чешуя ловила последние полосы света и вспыхивала, как раскалённый металл у горна. На длинной шее серебрился старый шрам. Он оказался совсем не таким, как на гобеленах. Больше, неровного медного цвета, с синеватым отливом в тени, с порванным краем левого крыла, и воздух тяжело вздохнул под его взмахом, пригнув траву на

сто шагов вокруг. Лошади встали, захрапели. Элиана высу-
нулась в окно, забыв и дождь, и горе, и подол, который на-
мок до колен.

Дракон опустился на скалу возле дороги, сложил крылья
и склонил голову, и камни под когтями захрустели.

— Это Грай, — сказал Рейнар, подъехав к карете. — Он
хотел посмотреть, кого я привёз.

— И что он думает?

— Спросите сами. Он терпеть не может, когда за него от-
вечают.

Из огромной пасти донёсся низкий, вполне разборчивый
голос, от которого дрогнуло стекло:

— Она легче предыдущего посольства. Хорошее начало.

Элиана подняла подбородок.

— У меня ещё шесть повозок с книгами.

Дракон долго смотрел на неё золотым глазом, и в этом
глазу медленно, как в расплавленном янтаре, ходили тени.
Потом он перевёл взгляд на короля, на его перевязанную ру-
ку, и в голосе его появилось что-то похожее на ворчание ста-
рой няньки.

— Ты опять морозил воздух, мальчик.

— Арка падала.

— Арки всегда падают. На то они и арки. — Грай снова
посмотрел на Элиану, долгим, оценивающим взглядом. —
Но три года ты не морозил воздух ни ради чего. Любопытно.
Рейнар ничего не ответил. Он тронул коня и отъехал впе-

рёд, к голове колонны, и Элиана видела только его прямую спину и снег, который начал вдруг сыпаться с ясного, вечернего неба, мелкий, сухой, совсем не по сезону.

— Тогда, возможно, мир продержится, — сказал дракон, ни к кому особенно не обращаясь, расправил крылья и ушёл в небо, оставив на скале глубокие царапины и запах горячего камня.

Глава 3. Северные правила

Дворец Рейнара стоял над городом Эйрхольм и больше походил на несколько домов, которые решили вместе пережить зиму. Башни связывали крытые переходы, окна глубоко уходили в толстые стены, на каждой лестнице лежали шерстяные дорожки, вытертые посередине до самой основы. Элиану удивило отсутствие позолоты. Мира предположила, что золото здесь пошло на отопление.

Они въехали в город в сумерках. Эйрхольм лежал на трёх холмах над излучиной реки, и с дороги казалось, что кто-то рассыпал по тёмным склонам горсть тлеющих углей: в каждом окне горел огонь. Крыши были крутые, чтобы не держать снег, дома каменные, приземистые, с узкими окнами и широкими трубами, и из каждой трубы поднимался дым, прямой, как свечка, потому что ветер к вечеру стих. Пахло смолой, хлебом и морозом, хотя до настоящего мороза оставалось ещё полтора месяца. На мостовых лежала первая ледяная корка, и колёса кареты хрустели по ней, как по сахару.

Её покои оказались светлыми, с широкими подоконниками и видом на реку. Между спальней королевы и комнатами короля помещались библиотека, малая гостиная и дверь, запираемая с обеих сторон. Ключ лежал на столе, на сложенном вдвое листе.

Рядом в простой глиняной вазе стояли ветки рябины, тя-

жёлтые от красных гроздьев, и к вазе была прислонена записка: «Розы здесь в это время года лгут. Рябина, по крайней мере, честная».

Подписи не было. Почерк она узнала по договору.

Элиана долго стояла над вазой. Ягоды были холодными на ощупь и чуть горьковато пахли, и одна, перезревшая, лопнула у неё под пальцем, оставив на коже алое пятно. Она вытерла палец платком и почему-то не выбросила платок.

Ключ она взяла в руки и развернула лист. Там было написано одно слово: «Ваш». Тем же почерком.

Около полуночи в дверь между комнатами постучали.

Элиана не спала. Она сидела в кресле у камина в ночной рубашке и шерстяной шали, и стук прозвучал так неожиданно, что она уронила книгу. Сердце заколотилось где-то у самого горла. Брачная ночь. Договор её не предусматривал, но договоры пишут люди, а люди, как она знала лучше многих, умеют передумывать.

Она подошла к двери, но не открыла.

— Да?

— Это я. — Голос Рейнара был приглушён толстым деревом. — Не открывайте. Я хотел только сказать вам кое-что, и подумал, что через дверь это будет честнее.

Она прислонилась лбом к холодной створке. С той стороны тоже что-то тихо скрипнуло, будто он сделал то же самое.

— Слушаю.

— Ключ на вашей стороне единственный. Мой я отдал

кузнецу, он переплавит его в подкову. Если вам когда-нибудь понадобится открыть эту дверь, вы откроете её сами. Если нет, она останется закрытой. Я хотел, чтобы вы знали это сегодня, а не догадывались неделями.

Элиана молчала. В камине треснуло полено и выбросило в трубу сноп искр.

— Почему вы говорите мне это ночью? — спросила она наконец.

— Потому что ночью люди боятся сильнее, чем днём. Днём вы бы мне просто не поверили. А ночью, может быть, поверите хотя бы наполовину.

— Наполовину это много.

— Для первого дня брака это очень много.

Она услышала, как он выпрямился. Шаги отошли от двери.

— Ваше величество, — окликнула она.

Шаги остановились.

— Как ваша рука?

Долгая пауза.

— Болит, — сказал он наконец. Просто, без жалобы. — Но это моя забота. Спокойной ночи, Элиана.

Он впервые назвал её по имени. Она стояла у закрытой двери ещё долго, пока не замёрзли босые ноги, и слушала, как в библиотеке за стеной кто-то ходит, останавливается, шуршит бумагой и снова ходит.

* * *

Наутро двор собрался представлять новую королеву друг другу.

За окнами валил мокрый снег. Элиана видела, как город подстраивается под него: торговцы накрывали корзины промасленной тканью, мальчишки сбивали с карнизов снежные комья, носильщики выбирали улицы, где вода ещё не успела схватиться льдом. Дым из труб стлался низко и тянулся к реке. Эйрхольм не был суровым в привычном смысле. Он был занят выживанием и не считал нужным украшать это занятие. Элиана быстро поняла, что официально представляют её, а на деле оценивают её полезность.

Канцлер Северин Кельт был безукоризнен. Седая борода подстрижена ровно по линии подбородка, тёмный бархат не знал ни складки, ни пылинки, и даже уважение он отмерял так точно, словно отпускал его из государственной казны. В глазах его стояла такая ясная, спокойная вежливость, что захотелось проверить, не носит ли он её вместо доспеха. Он предложил передать дела её содержания управлению двора.

— Чтобы избавить ваше величество от скучных забот.

— Я вышла замуж ради мира, господин канцлер. Неужели за это меня ещё и лишат скучных забот?

Рейнар, сидевший во главе стола, не улыбнулся. Но опустил глаза в бумаги прежде, чем Кельт успел на него посмотреть. Левая рука у него лежала на столе в свежей повязке, и Элиана поймала себя на том, что смотрит на неё чаще, чем следует.

Ей представили казначея, двух военачальников, главу драконьих пристаней, обветренного человека с обожжённой щекой, и смотрительницу бельевых, единственного во дворце человека, которого король слушал с заметной настороженностью.

— Полотенца из оружейной опять пошли на полировку стали, — сообщила она ровно, как докладывают о начале осады.

— Возмещу, госпожа Брена.

— Из личного содержания.

— Разумеется.

— Предыдущие тоже.

— Разумеется, — повторил король, и Элиана с удивлением поняла, что он едва сдерживает улыбку.

Госпожа Брена между тем сложила свою салфетку по старому армейскому способу: трижды, без лишних углов. У неё были широкие ладони, короткие ногти и тихий голос, который не требовал повторения. Когда-то она служила при походном лазарете у северной границы; после перемирия королева-мать предложила ей место во дворце. Брена согласилась лишь после того, как ей разрешили вести собственную книгу расходов.

После приёма она догнала Элиану в коридоре.

— Король не любит, когда за него решают, — сказала она, не тратя времени на вступление. — Но и сам порой забывает, что у других тоже есть это право.

— Вы говорите о полотенцах или о короле?

— Я редко говорю только об одном. — Брена помолчала.

— И ещё. Ему меняли повязку сегодня утром. Лекарь кричал так, что было слышно в бельевой. Три года, сказал лекарь, три года он берёт эту руку, а тут на тебе. Я подумала, вашему величеству следует знать, сколько стоила та ледяная стена. Он сам не скажет. Он никогда не говорит, сколько что стоит, если платит сам.

Элиана запомнила эту фразу. На севере вещи служили собеседниками, а слуги свидетелями. А иногда наоборот.

* * *

После приёма она попросила показать ей городские хлебные склады. Кельт выразил сомнение в уместности такой прогулки. Рейнар спросил, предпочтёт ли она лошадь или экипаж.

— Вы доверяете мне ваши склады?

— Только снаружи. Внутри за вами будет присматривать кладовщик. Ему я не доверяю даже себя.

Склады стояли у реки, длинные, низкие, пахнущие мукой и холодной пылью. В полумраке горбатились штабеля мешков, и свет из узких окон ложился на них косыми полосами, в которых плясала мучная пыль, золотая, как пыльца. Элиана шла вдоль рядов, трогая рукой грубую ткань, и вдруг замерла. На мешках стояла авернская маркировка. Не трофейные: новые, из зерна, которое предназначалось её стране. Часть оставалась здесь, в Эйрхольме.

— Почему они здесь?

Кладовщик, сутулый человек с вечно мокрым носом, поспешно достал накладную. Ось на двух обозах сломалась, груз ждал замены повозок. Документ выглядел безупречно: ровные строки, настоящая подпись, свежая печать. Слишком безупречно. Элиана переписала номера.

Вечером за ужином Рейнар спросил, понравился ли ей город.

— В нём удивительно много сломанных осей.

Он выслушал её молча, потом потребовал накладную и сказал, что проверит.

— А я могу проверить вместе с вами?

— Завтра.

— Сегодня.

На этот раз он посмотрел на неё прямо, и свеча качнулась в его серых глазах.

— Вы здесь второй день. Если завтра вы войдёте в складское управление с королевским приказом, вас будут ненавидеть. Если сегодня туда войду я, вас будут бояться. Выберите, что полезнее.

Она подумала. Ужин остывал между ними, и сыр на блюде медленно покрывался испариной.

— Завтра. Но приказ подпишем оба.

Первую совместную бумагу после брачного договора они подписали за столом, с которого ещё не убрали сыр.

* * *

Первый официальный приём едва не начался с дипломатического разрыва из-за лестницы.

На юге даму королевского дома пропускали вперёд. На севере мужчина поднимался первым, чтобы проверить, не обледенели ли ступени. Элиана остановилась, Рейнар тоже, а за ними застыла процессия из сорока человек, готовых придать любому движению политический смысл. Где-то в хвосте звякнуло оброненное блюдо, и звук раскатился по каменному колодцу лестницы, как выстрел.

— Если мы останемся здесь, — сказала она тихо, не поворачивая головы, — можно будет сэкономить на ужине.

— После вас. Я готов рискнуть международными отношениями ради горячего супа.

Она поднялась первой и удержала улыбку до самой верхней площадки. А на третьей ступени сверху, там, где камень был стёрт сотнями ног и действительно блестел ледяной коркой от занесённого сапогами снега, её нога поехала. Рейнар оказался за её спиной быстрее, чем она успела испугаться. Его ладонь легла ей на талию, твёрдо и коротко, ровно на одно мгновение, пока она не нашла равновесия.

— Теперь вы знаете, откуда взялся обычай, — сказал он ей в самое ухо.

— Вы могли предупредить.

— Мог. Но вы бы всё равно пошли первой.

Он был прав, и это было невыносимо. Она поднялась на площадку, чувствуя, как горит то место на талии, где лежа-

ла его рука, и злилась на эту руку, на этот лёд, на северные обычаи и больше всего на себя.

В зале гости стояли по домам, а не по старшинству. Северные роды выдвигали вперёд старейшую женщину; за ней теснились дети, наследники и те, чьё родство пришлось бы объяснять слишком долго. Элиана привыкла ко двору, где близость к трону измерялась расстоянием до королевского стула. Здесь же трон стоял у сквозного окна, продуваемый всеми ветрами, а самые удобные кресла принадлежали пожилым дамам, и дамы сидели в них, как генералы в походных шатрах. Горели сотни свечей, пахло мокрой шерстью, печёными яблоками и дымом, и под высоким потолком гудел общий разговор, густой, как шмелиный рой.

Госпожа Хальд, глава рода речных перевозчиков, подала ей маленькую чашу с солью. Она была коренастой, широколицей, с тяжёлой седой косой, уложенной вокруг головы, и ладонями, исчерченными светлыми шрамами от канатов. Элиана сразу поняла, что чашу ей протягивает человек, привыкший держать не только посуду.

Чаша была простая, из тёмной обожжённой глины, а соль крупная, сероватая, с острым морским запахом. На кромке темнели следы множества пальцев. Праздник не отменил её каждодневной службы, и от этого она казалась честнее любого золота. На севере солью касались губ, желая гостю доброй дороги; в Аверне её клали в хлеб и говорили о доме, который не забудет путника.

— У нас принято отвечать: «Пусть ваша вода будет чистой», — сказала Хальд.

Элиана посмотрела на соль.

— В Аверне мы желаем, чтобы в хлебе было достаточно соли.

— Это пожелание мне нравится больше. Вода чистой бывает редко, а хлеб без соли всегда.

Мира, стоявшая за плечом, едва слышно подсказала:

— Принять, коснуться губами, сказать: «Ваш очаг мне дорог».

От волнения она сказала «попробовать», и Элиана, послушная подруга, попробовала. Соль обожгла язык так, что на глазах выступили слёзы.

— Ваш очаг... — начала она и закашлялась.

Рейнар немедленно подал воду с выражением образцового государственного участия.

— Коснуться, — шепнула Мира виновато. — Я хотела сказать «коснуться».

— Я вас больше не слушаю, — прошипела Элиана, прижимая к губам рукав.

— Только по вопросам питания или вообще?

— Пока не решила.

Госпожа Хальд, слышавшая всё от первого слова, засмеялась первой, раскатисто, во весь голос, и зал выдохнул следом за ней. Напряжение рассеялось. Через полчаса Элиана уже обсуждала с ней речные пошрины, испорченные склады

и достоинства козьей шерсти, о которых прежде не имела мнения.

Кельт подошёл, когда разговор стал деловым. Он двигался совершенно бесшумно, как человек, привыкший появляться за чужой спиной ровно в тот момент, когда говорят лишнее.

— Её величеству ещё предстоит освоиться. Не станем обременять её просьбами.

— Я не просила, — ответила госпожа Хальд. — Я жаловалась. Это древнее право моего рода.

Канцлер улыбнулся одними губами; глаза его остались настороженными, словно он уже пересчитывал цену любезности.

* * *

Вечером принесли подарки от посольств. Среди них оказался узкий футляр из светлого дерева, пахнувший смолой и чем-то древним, лесным. Его подала Нерилис, помощница Саэль: тонкая, темноглазая, в сером платье без единого украшения, с чёрными волосами, гладко убранными от лица. Даже кланяясь, она оставалась неподвижной, как если бы каждое лишнее движение было для неё расточительством. Крышка поднялась, и Элиана увидела гребень, вырезанный из полупрозрачного рога. В свете свечей в глубине зубьев тлели тонкие золотые прожилки, похожие на нити мёда.

— Для ясности снов, — сказала Нерилис.

Элиана уже хотела поблагодарить, но Рейнар положил ладонь на край футляра.

— У подарка есть условия?

Эльфийка вскинула брови.

— Только добрые пожелания.

— Тогда в реестр внесут именно это.

Он убрал руку. Элиана приняла гребень и почувствовала себя ребёнком, за которого взрослые решают, можно ли ему съесть подаренную конфету.

Позднее, когда они остались одни в малой гостиной, она сказала об этом мужу. Не мягко.

— Вы унизили меня перед посольством.

— Я защитил вас перед посольством.

— Я не просила защиты. Я двенадцать лет вела переговоры от имени отца. Я знаю, что такое подарок с условием.

— От людей. Не от эльфов. — Он стоял у окна, и снег за стеклом летел косо, на свет фонарей. — Эльфийские вещи иногда предполагают встречный дар. Иногда этим даром оказывается год жизни, иногда имя первенца, иногда просто сон, который вы никогда больше не увидите. Я должен был предупредить вас заранее.

— Тогда предупреждайте. Не проверяйте за меня каждую чашку.

— Чашку с солью, кажется, стоило.

Она не удержалась от улыбки, но продолжила:

— Я серьёзно, Рейнар.

Она тоже впервые назвала его по имени, без титула. Он обернулся. Что-то мелькнуло в его лице и исчезло, слишком

быстро, чтобы она успела понять.

— Я тоже серьёзно. В следующий раз сначала объясню. А потом отойду и посмотрю, как вы решаете сами. — Он помолчал. — Это будет трудно. Я не привык смотреть.

— Я не привыкла, чтобы на меня смотрели.

— Значит, нам обоим будет чему поучиться.

В своих комнатах Элиана положила гребень рядом с письмом Адриана. Вещь была красивой, но брать её в руки снова не хотелось: в ней чувствовалась чужая воля, терпеливая и мягкая, как ладонь на затылке. Наутро она попросила Саэль проверить подарок.

— Безопасен, — сказала та после осмотра, поворачивая гребень в длинных пальцах. — Но сестра любит, когда люди пользуются её вещами.

— Сестра?

— Младшая. Сорок лет пытается доказать, что я слишком доверяю людям. А я столько же времени доказываю, что она слишком доверяет себе.

Элиана убрала гребень в ящик и повернула ключ.

Двор оказался местом, где даже подарки вступали с человеком в отношения прежде, чем он успевал согласиться. Она решила завести отдельный реестр. Мира назвала его перечнем потенциальных родственников.

Той ночью Элиана долго не спала. Из соседней библиотеки сквозь щель под дверью просачивалась полоска света. Рейнар тоже работал. Она слышала, как он ходит по комна-

те, останавливается, иногда негромко кашляет, шуршит бумагой. Один раз что-то упало, глухо, тяжело, как падает книга, и он выругался по-северному, коротко и с чувством. Элиана засмеялась в подушку. Человек, которого она знала по договору, превращался в живого, и именно это тревожило её сильнее всего.

Она написала Адриану три страницы: о городе, о драконе, о смотрительнице бельевого, о соли, которую пришлось съесть. О свете под дверью не написала ни слова. О ключе тоже. О том, как горела талия под ладонью на обледенелой ступени, не написала тем более, и, запечатывая письмо, почувствовала себя так, будто впервые солгала ему, хотя в письме не было ни одного неправдивого слова.

Глава 4. Дом, который рассчитывал на корону

Вивьен Астэр приехала без предупреждения и привезла во дворец дождь.

Он стекал с дорожных сундуков, капал с меховой опушки её плаща и собирался на каменном полу приёмной маленькими тёмными озёрами. Слуги метались с полотенцами, а гостья невозмутимо снимала перчатки, по одному пальцу, словно непогода была ещё одним сотрудником её дома, не вполне справлявшимся с обязанностями.

Элиана увидела её с верхней площадки лестницы.

Высокая, светловолосая, в тёмном платье, на котором не было ни пылинки, Вивьен не принадлежала к тем красавицам, чьи достоинства полагалось замечать немедленно. Её лицо становилось красивым только тогда, когда она поворачивала голову или вслушивалась в ответ: проступали внимание и спокойная уверенность человека, редко сомневавшегося в своём праве занимать место. Так проступает рисунок на карте, если поднести её к свече. У ворота плаща поблёскивала серебряная застёжка в форме оленя, бегущего с запрокинутой головой: северный олень, тот же, что на гербе королевского дома. Работа была тонкой, старой, и Элиана почему-то сразу решила, что это не покупка.

Рейнар вышел ей навстречу сам.

Он не делал этого ни для кого из послов. Элиана знала, потому что за неделю в Эйрхольме видела, как он встречает послов: стоя у стола, с бумагами в руке, коротким кивком.

— Вы опять привезли южный ветер.

— Это единственный южанин, за которого я могу поручиться, ваше величество.

Она сказала это легко, играючи. Элиана, уже спускавшаяся по лестнице, на секунду замедлила шаг.

Рейнар не улыбнулся.

— Тогда вам следует расширить круг знакомств.

Вивьен обернулась. Поклон вышел точным и красивым, отмеренным до последнего дюйма.

— Ваше величество. Вивьен Астэр, дочь хранителя западных гаваней.

— Элиана. По некоторым сведениям, южанка, ещё не получившая поручительства.

В глазах гостьи мелькнуло удивление, затем уважение, небольшое, как первая монета в пустом кошельке.

— Полагаю, вы обойдётесь без моего.

— Надеюсь. Но погода действительно нуждается в защите.

* * *

За ужином Вивьен заняла место справа от госпожи Хальд. Она знала почти всех, называла людей по именам, расспрашивала о старых болезнях и новых внуках. Двор принимал её без любопытства, с той особенной естественностью, кото-

рая бывает у вещей, возвращённых на прежнее место после долгой уборки. Звенела посуда, трескали дрова в огромном камине, и от дождя, ещё висевшего на её плаще, в тёплом зале пахло свежестью и мокрым камнем.

Когда подали травяной отвар, Вивьен, не прерывая разговора с Хальд, сделала слуге незаметный знак. Тот кивнул, ушёл и через минуту вернулся с отдельным чайником, который поставил перед королём. Рейнар налил себе, не глядя, и Элиана почувствовала запах: можжевельник и чёрная смородина. Она неделю обедала с ним за одним столом и не знала, что он пьёт можжевельник. Слуги, по-видимому, тоже забыли. Вивьен не забыла.

Это была мелочь. Элиана сказала себе, что это мелочь, и откусила от хлеба так решительно, что Мира покосилась на неё с тревогой.

Перемену в зале она уловила раньше, чем расслышала имя: несколько голосов стихли, а Вивьен чуть выпрямилась.

Дом Астэр владел западными причалами, корабельными верфями и дорогой, по которой в Нордаль поступала соль. Во время войны он снабжал корону судами и займами. Теперь мир открывал дешёвую речную торговлю с Аверном, и часть этих доходов утекала в никуда.

— Союз выгоден столице, — сказала Вивьен. — Не уверена, что его так же любят на побережье.

— Мир редко распределяет прибыль так же, как война, — ответила Элиана.

— Потому и стоит сначала пересчитать потери.

— Людские тоже?

— Именно с них я начинаю.

Вивьен говорила без язвительности. Она и правда думала о людях своих гаваней: о плотниках, матросах, вдовах, которых сокращение заказов оставляло без заработка. Элиана почувствовала неудобную необходимость уважать довод человека, который ей пока не нравился.

Вивьен вернулась к своей тарелке, сняла перчатки, которые зачем-то надела снова после чая, и осторожно расправила их на белой скатерти. На левой ладони у неё белел старый след от ожога.

— В детстве я опрокинула лампу на карту отцовских земель, — пояснила она, заметив взгляд Элианы. — Отец спас карту. Мать спасла меня. С тех пор в нашем доме считают, что сначала следует спасать людей, а уже потом границы.

— А король? — спросила Элиана, сама не понимая, зачем. — Он тогда тоже был при вашем доме?

Вивьен на мгновение замерла. Потом улыбнулась.

— Его величество тогда был при собственных синяках. Ему было десять лет, и он учился ездить на лошади, которая не желала учиться вместе с ним. Мы встретились годом позже. Он сломал мне ветку любимой яблони, когда лез за мячом, и потом три дня приносил извинения в письменном виде. Каждое на двух листах.

Рейнар, сидевший на другом конце стола, поднял голову.

— На полутора, — сказал он. — Второй лист был с рисунком.

— С рисунком яблони, которая выглядела хуже сломанной.

Кто-то за столом засмеялся. Рейнар тоже улыбнулся, коротко, одними глазами, и Элиана увидела эту улыбку и подумала, что ей самой он так ни разу не улыбался. Не так легко. Не так, будто вспоминал что-то хорошее, что не нужно было ни объяснять, ни заслуживать.

* * *

После ужина Рейнар повёл гостью в галерею. Они остановились у карты побережья. Элиана видела их через приоткрытую дверь: Вивьен указывала на одну из бухт, а король склонялся к её руке, слушая. Между ними не было осторожности новых знакомых. Они знали, когда перебить друг друга и какое слово можно не договаривать, и этот разговор, обрывистый, быстрый, местами без слов, был похож на танец, которому учатся годами.

— Рей, ты же сам видел эти отмели, — донеслось до Элианы, и тут же, тише и суше: — Ваше величество. Простите. Старая привычка.

— Ничего.

Рей. Элиана повторила про себя это короткое слово, и оно оказалось на вкус как та соль на приёме: обожгло язык.

Мира подошла с шалью.

— О ней говорили до войны, — сообщила она негромко.

— О бухте?

— О браке.

Элиана поправила край рукава. Пальцы почему-то плохо слушались.

— И почему не поженились?

— Не знаю. Возможно, не успели. Возможно, передумали.

— Мира внимательно посмотрела на подругу. — Лина. У тебя такое лицо, как будто ты считаешь недостачу.

— Я считаю её. Вон там, у карты. Девятую часть внимания, которое мне полагается по договору.

Она хотела, чтобы это прозвучало шуткой. Мира не засмеялась.

Элиана посмотрела на карту ещё раз. Вивьен говорила что-то серьёзное, Рейнар покачал головой, и оба коротко рассмеялись. Потом он взял у неё из рук указку, их пальцы на мгновение соединились на тонкой деревянной палочке, и ни один из них этого, кажется, не заметил. Заметила Элиана.

Вот женщина, подумала она, которая знает этот двор, понимает его страхи и не мечтает о человеке за южной границей. Разумная, красивая, подходящая. Если когда-нибудь брак перестанет быть необходимым, всё может устроиться удивительно удобно.

Мысль должна была успокоить. Она была правильной, логичной, почти благородной. Элиана повторила её трижды, по дороге в свои покои, на лестнице, у двери, и с каждым разом она успокаивала всё хуже, пока наконец не превратилась в

мелкую, злую, совершенно недипломатическую занозу, которую невозможно было ни вытащить, ни забыть.

Она легла и долго смотрела в потолок. Потом встала, нашла в ящике зелёное кольцо, которое сняла перед ужином, и надела его. Как будто это что-то доказывало. Как будто кто-то мог это увидеть в темноте.

* * *

На рассвете её разбудил стук копыт.

Элиана подошла к окну. Двор внизу был ещё синим, предутренним, и над ним висел туман, лёгкий, как пар над молоком. Из конюшни выводили двух лошадей: вороного жеребца со звездой на лбу, того самого, высокомерного, и светлую кобылу в серых яблоках. Рейнар садился в седло легко, одной рукой, вторую по-прежнему берёг. Вивьен в мужском дорожном платье уже сидела верхом и что-то говорила ему, наклонившись с седла. Он ответил. Она засмеялась, запрокинув голову, и звук этого смеха поднялся по каменному колодцу двора до самого окна, ясный, как удар колокольчика.

Они выехали за ворота вдвоём, без свиты, и туман сомкнулся за ними.

— Западная пристань, — сказала Мира у неё за спиной. Элиана вздрогнула: она не слышала, как подруга вошла. — Госпожа Брена говорит, там подмыло опоры. Госпожа Астэр приехала просить денег на ремонт. Король поехал смотреть сам.

— Я ничего не спрашивала.

— Нет. Ты стояла у окна в одной рубашке и смотрела на ворота так, будто хотела их поджечь.

Элиана отвернулась от окна.

— Мне холодно, — сказала она. — Только и всего.

— Конечно, — согласилась Мира и подала ей шаль. — Это северный климат. Восемь месяцев снега.

* * *

Они вернулись к полудню. Элиана как раз проходила через нижнюю галерею, когда в конце её показали двое, раскрасневшиеся от ветра, с мокрыми от тумана волосами. Вивьен что-то рассказывала, размахивая перчаткой, у Рейнара на плаще висели клочья речной тины, и он отряхивал их с таким сосредоточенным видом, что было ясно: тина появилась там при обстоятельствах, о которых он предпочёл бы забыть.

— Он полез под опору, — сообщила Вивьен, увидев Элиану, и поклонилась. — Сам. Король Нордали в тине по колено. Я хотела заказать портрет, но художника под рукой не оказалось.

— Портреты у нас не доезжают, — сказала Элиана. — Это семейная традиция.

Она хотела сказать это легко. Получилось сухо. Рейнар поднял на неё глаза, и она увидела, что он понял. Не всё, наверное, но что-то. Брови у него чуть сдвинулись, как у человека, обнаружившего в знакомом документе незнакомую

строку.

— Опоры придётся менять целиком, — сказал он, обращаясь только к ней. — Я хотел бы обсудить с вами смету. Сегодня, если найдётся время. Вы лучше меня знаете, сколько стоит камень у вас на юге.

— У меня найдётся время, — сказала Элиана. — Если госпожа Астэр не возражает, что смету будет обсуждать человек, который не лазил под опору.

— Я никогда не возражаю против хороших сметчиков, — спокойно ответила Вивьен. — Их слишком мало, чтобы выбирать по степени испачканности.

* * *

На следующий день Элиана спросила Рейнара о Вивьен.

Не сразу. Сперва они обсудили смету пристани, потом расписание приёмов, потом ошибку в смете кухни, затем слишком долго молчали над остывающим чаем. За окном лениво ползла по стеклу последняя осенняя муха, и оба следили за ней с таким вниманием, словно от её маршрута зависел исход переговоров. Король уже поднялся, когда Элиана наконец произнесла:

— Вы были обручены с госпожой Астэр?

Он остановился у стола, не донеся руки до спинки стула.

— Нет.

— Но брак обсуждали.

— Наши отцы — да. Мы с Вивьен тоже. Несколько лет назад.

Элиана кивнула, словно уточняла обстоятельства старой поставки.

Рейнар сел обратно, и стул скрипнул громче, чем следовало.

— Между нами была симпатия. Она закончилась раньше, чем переговоры. Иногда взрослые родственники оказываются настойчивее самих заинтересованных лиц.

— Что изменилось?

— Вивьен всегда знала, какого государства хочет. Сначала меня это восхищало. Потом выяснилось, что она представляет его до последней мелочи: где будут стоять школы, кому отдадут гавани, сколько лет должно пройти между одним налогом и следующим. Она могла спорить о башне так, будто от неё зависела судьба всего побережья.

— А вы хотели казарму?

— Я хотел, чтобы башня не досталась противнику. Она хотела превратить её в школу для писцов. Мы спорили несколько месяцев, ночами, при свечах, до хрипоты. В итоге крыша обрушилась раньше, чем мы выбрали назначение.

Элиана провела пальцем по краю чашки.

— Башня разрешила вопрос.

— Вивьен сказала, что это первый случай, когда я уступил обстоятельствам без письменного возражения.

Он не пытался сделать их прежнюю близость смешной или безвредной. От этого она становилась только реальнее, и Элиане приходилось смотреть на неё без удобных упроще-

ний, как смотрят на рану, с которой нельзя отвернуться.

— Застёжка у неё на плаще, — сказала она. — Олень. Это ваш подарок?

Рейнар помолчал.

— Моей матери. Мать подарила ей на шестнадцатилетие. Она любила Вивьен. Думаю, больше, чем меня в том возрасте: Вивьен хотя бы не ломала яблони.

— Вы любили её?

Вопрос вырвался сам, и Элиана тут же пожалела о нём. Не потому, что он был непристойным: договор разрешал им любую откровенность. Потому, что она вдруг поняла, что боится ответа. Боится по-настоящему, так, как не боялась ни арки на мосту, ни ночного стука в дверь.

Рейнар посмотрел на неё долго и очень внимательно.

— Вы спросили меня о любви. Это первый личный вопрос, который вы мне задали с того дня в монастыре. — Он помолчал. — Я был к ней привязан. Восхищался ею. Думал, что из этого получится хороший брак, потому что мы оба понимали, что такое долг. Любовь... Я тогда не знал, как она выглядит. Думал, что знаю. Оказалось, нет.

— А теперь знаете?

Он не ответил. Встал, подошёл к окну, и на стекле, там, где он остановился, медленно, от рамы к центру, поползли тонкие белые узоры инея, похожие на папоротник. В комнате было тепло. Камин горел. Элиана смотрела на иней и не понимала, что видит.

— Она считает, что я опасна для Нордали, — сказала она, чтобы что-нибудь сказать.

— Она считает, что любые быстрые перемены опасны для Нордали. Вы самое заметное из них.

— Очень лестно. Я обошла голод и плохие дороги.

Рейнар обернулся и улыбнулся, но тут же стал серьёзным.

— Я не просил её приезжать. Но она вправе представлять свой дом на совете. Это право не зависит от того, нравятся ли мне её выводы. — Он помолчал. — И от того, нравится ли вам её присутствие.

— Я ничего не говорила о её присутствии.

— Нет, — согласился он. — Не говорили.

Элиана услышала за его первыми словами принцип, который однажды мог пригодиться ей самой, и спрятала его поглубже, как прячут монету на чёрный день. А за последними услышала что-то совсем другое и спрятала ещё глубже.

* * *

Вивьен встретила её в галерее после обеда. Увидев в руках ведомости, она предложила пройти в комнату с лучшим светом.

— Здесь все уверены, что окна портят стены, — сказала она. — А потом удивляются ошибкам писцов.

Комната оказалась маленькой, с высоким окном, и в нём плыли низкие северные облака, подсвеченные сбоку тусклым золотом. Вивьен знала, где лежат чистые перья, как открыть заедающую створку и какой стул не скрипит. Элиана

села, чувствуя себя гостьей в собственном доме.

— Это была ваша комната? — спросила она.

— Когда-то я здесь занималась с учителем истории. Его величество сидел вон за тем столом и рисовал корабли на полях учебника. — Вивьен села напротив. — Мне не следовало этого говорить. Вам неприятно.

— Мне всё равно.

— Тогда простите, что я в это не поверила.

Прямота оказалась почти облегчением.

— Вы хотели говорить о гаванях?

— О вашем присутствии здесь.

Вивьен изложила свои опасения коротко и без нажима. Авернские советники начнут влиять на северные назначения. Речные пошлины потекут на юг. Магические обязательства короля превратятся в семейное дело чужой династии. Она не обвиняла Элиану в злом умысле, она просто полагала, что та неизбежно будет защищать привычные ей интересы.

— А вы свои, — заметила Элиана.

— Именно. Поэтому я предпочитаю называть их вслух.

Они спорили почти час, и свет в окне успел сместиться с одного угла стола на другой. Элиана не убедила Вивьен, что торговый договор безопасен. Вивьен не убедила Элиану, что прежний порядок стоит сохранять лишь потому, что к нему привыкли. Но обе обнаружили, что собеседница читала приложения.

Это стало началом ограниченного уважения.

Она говорила о речных дорогах уверенно: знала, где весной поднимается вода и какие деревни остаются отрезанными раньше, чем это замечает столичный совет. Вивьен не кокетничала властью и не примеряла её, как новое платье. Она называла гавани, налоги и сроки ремонта с той же точностью, с какой другие придворные перечисляли фамилии. Элиана услышала в этом не прихоть, а настоящее ремесло, которому Вивьен хотела посвятить жизнь.

— Вы думаете, корона сделала бы вас счастливой? — спросила Элиана.

— Нет. Я думаю, что могла бы сделать несколько вещей лучше нынешних советников. Счастье отдельный вопрос, и у меня достаточно ума не поручать его государству.

Это почему-то не успокоило. Совсем.

У двери Вивьен задержалась, положив ладонь на косяк.

— Я действительно думала, что могла бы стать ему полезной супругой.

Элиана не ожидала такой откровенности.

— А теперь?

Вивьен коснулась застёжки с оленем, привычным, бессознательным жестом, как касаются старого шрама.

— Теперь он женат. Я умею читать не только приложения. — Она помедлила. — Но знаете, что я прочла сегодня утром, у западной пристани? Он трижды за час заговорил о вас. Сметы, камень, южные каменоломни. Каждый раз, когда речь заходила о деньгах, он говорил: «Элиана посчитает

лучше». Я прожила рядом с ним двадцать лет, ваше величество. Он никогда никому не доверял свои сметы.

Она вышла, оставив после себя запах холодного воздуха и вопрос, на который Элиана не хотела отвечать.

Почему ей стало легче от последней фразы? И почему, когда стало легче, ей впервые за весь день захотелось плакать?

Глава 5. Недостающий вес

Проверка продолжалась семнадцать дней.

За это время Элиана узнала, что мешок зерна может потерять вес при перевозке, намокании, пересушивании, переписи и недостаточно почтительном обращении с начальством. Во всяком случае, именно такие причины, кроме последней, называли ей чиновники, глядя куда-то поверх её плеча.

Недостача составила девятую часть обещанного груза.

Склад стоял у внутренней пристани, в бывшем зернохранилище, и стены его пахли старой пылью, мышами и морской солью. На кирпиче остались белёсые отметины прежних наводнений, ровные, как годовые кольца. Смотритель объяснил, что груз хранили выше затопляемой части; рабочие ответили, что туда вела лестница без перил, и две недели они таскали мешки на плечах, а один сорвался и до сих пор хромает.

Элиана шла вдоль штабелей, не торопясь, касаясь пальцами грубой рогожи. На каждом мешке стояли три метки: место сбора, вес при погрузке, печать получателя. На северных ярлыках чернила расплылись от сырости; на авернских их обновили так тщательно, что свежая краска скрывала старый знак.

— Кто пересчитывал? — спросила она.

— Люди господина Кельта, — ответил смотритель.

— А кто взвешивал?

— Те же люди.

Рейнар поднял один мешок, насколько позволила рука. Не для показа: он поморщился от боли и сразу поставил ношу обратно.

— На войне зерно исчезало быстрее, — сказал он.

— Потому что его ели или потому что его записывали съеденным?

Смотритель отвёл глаза. Вопрос не требовал ответа, но не оставлял ему места, куда спрятаться.

Позже, в счётной палате, Рейнар сидел напротив неё с закатанными рукавами, и свеча чертила на столе круг между ними. На его ладони виднелся старый след обморожения, пересечённый свежим шрамом. Повязку он снял, но пальцы иногда сгибались с трудом, и он незаметно разминал их под столом.

— Это случилось у Семи Бродов? — спросила Элиана.

— Да.

— Магия?

— Отчасти. Лёд удержал переправу дольше, чем мог удерживать камень. Он спас тех, кто отступал по берегу. И едва не оставил меня без руки.

— Вы часто рассказываете только половину ответа?

— Я тренируюсь. Иногда получается сказать одну треть.

Он произнёс это сухо, но не отмахнулся. В тот вечер она впервые поняла, что его спокойствие не было отсутствием

страха. Он просто научился превращать страх в последовательность действий: проверить людей, открыть проход, пересчитать провиант и только потом позволить себе дрожать.

— А на мосту? — спросила она. — Там тоже была только последовательность действий?

Он не сразу поднял глаза от книги.

— На мосту не было времени на последовательность. Было только действие.

— Лекарь говорит, вы могли потерять руку.

— Лекарь говорит это каждый раз, когда я беру в руки что-нибудь тяжелее пера. Профессиональная привычка.

— Рейнар.

Он отложил перо.

— Что вы хотите услышать? Что я всё взвесил? Что посчитал, сколько стоит королева Нордали и сколько стоит моя рука, и вышло, что королева дороже? — Он говорил тихо и совершенно спокойно, но свеча между ними вдруг дрогнула, будто на неё дохнуло холодом. — Я ничего не взвешивал. Арка падала на вас. Вот и всё.

Элиана смотрела на него, и в груди у неё было тесно, как бывает тесно в комнате, где слишком много вещей.

— Спасибо, — сказала она. — Я так и не сказала вам спасибо.

— Вы сказали. Вы спросили, как моя рука. Этого было достаточно.

— Вы давно это умеете? — спросил он потом, когда она

вытащила из стопки повторную накладную, явно меняя тему.

— Читать?

— Заставлять цифры сознаваться.

— С тех пор, как отец подарил мне на содержание небольшой монастырь. Сперва я решила, что стану благотворительницей. Через месяц выяснилось, что я кормлю двадцать восемь монахов, одиннадцать их сестёр и стадо, которого никто никогда не видел.

— Нашли стадо?

— Нет. Зато нашла двенадцатую сестру.

Он коротко рассмеялся. Смех изменил его лицо: ушла королевская собранность, проступил мужчина моложе своих лет, с ямочкой на левой щеке, которой Элиана раньше не замечала. Она поспешно склонилась над счётной книгой, досадуя на собственную наблюдательность. Так же, как он улыбался Вивьен над яблоней, подумала она. Нет. Не так же. Иначе. И это «иначе» было опаснее.

Недостающее зерно уходило на восток, к закрытым рудникам. Распоряжения подписывал заместитель канцлера. Кельт, вызванный на объяснение, держался невозмутимо и объяснил, что запас предназначался гарнизонам на случай нарушения мира.

— Чтобы защитить договор, мы нарушаем его первой же поставкой? — спросила Элиана.

— Чтобы обеспечить безопасность вашего нового дома.

Она молча положила перед ним приказ, подписанный обоими монархами.

— Мой новый дом сейчас находится между двумя государствами. Прошу учитывать его неудобную планировку.

После заседания Рейнар задержал канцлера. Элиана вышла, но сквозь неплотно прикрытую дверь донеслось:

— Ещё раз назовёте её страну чужой при обсуждении этого договора, и будете обсуждать его без должности.

Благодарить за подслушанное было невозможно. За ужином она просто передала ему соль, не дожидаясь просьбы. Он посмотрел на солонку, потом на неё, и сказал: «Ваш очаг мне дорог», так серьёзно и с таким безупречным северным выговором, что Мира подавилась супом.

* * *

В конце сентября приехал Адриан.

Элиана встретила его в посольском дворе, под низким серым небом, из которого уже сыпались первые сухие снежинки. Он похудел, волосы отросли и падали на воротник, но знакомая улыбка появилась сразу, прежде чем он успел спешиться. Он привёз ей книги, письмо от отца и маленькую глиняную птицу с ярмарки у старого шлюза.

— У неё ужасный характер, — сказал он. — Продавец клялся, что это соловей, но она свистит только при угрозах.

Элиана подула в отверстие. Птица издала негодующий хрип.

— Совершенно достоверный авернский соловей.

Они засмеялись вместе, и северный двор на мгновение исчез. Остались летние дороги, навес мельницы, терпкий запах полыни.

Мира стояла чуть позади, с муфтой в руках, и не смеялась. Когда Адриан повернулся к ней и поклонился, тепло и рассеянно, как кланяются старой знакомой, она покраснела так густо, что веснушки пропали, и уронила муфту в снег. Адриан поднял, отряхнул и подал ей. Мира взяла, не поднимая глаз. Элиана этого не заметила: она смотрела на арку.

Рейнар вышел из арки в сопровождении секретаря и остановился в трёх шагах, ровно на таком расстоянии, на котором вежливость ещё не становится близостью. Он был в тёмном дорожном плаще с волчьим воротом, и снег таял на его плечах, не оставляя следов: холод его не брал. Адриан, наоборот, ёжился в своём тонком посольском сукне и прятал замёрзшие пальцы в рукава.

Они поклонились друг другу. Поклоны вышли образцовыми, глубина до дюйма, наклон головы до градуса, и обоим, кажется, было неприятно, насколько точно каждый запомнил, как кланяется другой.

— Господин посланник. Надеюсь, дорога была не слишком тяжёлой.

— Ваше величество. Север встретил меня тем, чем и обещал: снегом и гостеприимством.

— Снег мы можем гарантировать. Гостеприимство зависит от гостя.

Адриан улыбнулся одними губами. На левой брови у него дрогнул знакомый излом, тот самый, что Элиана видела столько раз перед спором: он собирался возразить и только выбирал, где ударить.

— Я надеюсь, её величество не успела заскучать, — заметил он.

— Мы держим для неё запас плохо оформленных документов, — ответил Рейнар.

— Элиана всегда любила порядок. — Адриан сделал паузу. — И старые вещи. Она до сих пор хранит лодку без мачты, которую ей подарила мать. И кольца.

Он не посмотрел на её правую руку. Ему не нужно было смотреть. Рейнар посмотрел.

— Я начинаю замечать, — сказал король.

Это было сказано очень ровно. Но Элиана увидела, как пальцы короля, лежавшие на рукояти перчаток, медленно сжались, и кожа на костяшках побелела. Снежинки, падавшие между ними, вдруг перестали таять на его плаще. Они ложились и оставались лежать, крупные, сухие, и через несколько мгновений плечи его стали белыми, как у статуи. А в Адриане Элиана заметила другое: он назвал её по имени, без титула, при всех, будто невзначай, будто это случайно вырвалось. Он смотрел при этом не на неё, а на Рейнара, и в его взгляде горело что-то острое, мальчишеское, злое.

Она поняла, что стоит между ними, как между двумя мечами, которые ещё не решили, кому из них достанется пер-

вый удар.

— Прощу вас обоих внутрь, — сказала она слишком громко. — Пока снег не придумал нового пограничного спора.

Рейнар кивнул ей и пошёл первым, не дожидаясь, пока кто-нибудь догонит. Плащ его хлестнул по ступеням, стряхивая снег. Адриан проводил его долгим взглядом и тихо, так, чтобы слышала только она, произнёс:

— Он смотрит на тебя, как на крепость, которую уже считает своей.

— Он смотрит на меня как на союзницу, которая задолжала ему три отчёта.

— Лина.

— Не начинай. И не смей больше говорить при нём о кольце.

— Почему? Это правда.

— Потому что это жестоко. По отношению к нему.

Адриан остановился. Посмотрел на неё внимательно, с какой-то новой, неприятной зоркостью.

— По отношению к нему, — повторил он медленно. — Ты защищаешь его от меня. Уже.

— Я никого ни от кого не защищаю. Я прошу тебя вести себя как посланник, а не как...

— Как кто? Договаривай.

— Как мальчишка, который дёргает девочку за косу, потому что другой мальчишка подарил ей ленту.

Он рассмеялся, коротко, невесело.

— Да, — сказал он. — Именно так я себя и чувствую. Спасибо за точность, ваше величество.

Но Адриан уже улыбался, когда они вошли внутрь, уверенный, что услышал то, что хотел.

* * *

В тот вечер Рейнар не пришёл ужинать.

Элиана сказала себе, что у короля много дел. Потом рассердилась на то, что вообще заметила его отсутствие, и ещё сильнее на то, что полвечера просидела с прямой спиной, прислушиваясь, не хлопнет ли дверь.

Около полуночи, не выдержав, она накинула плащ и вышла в галерею.

Дворец спал. Факелы в нишах догорали, и по стенам ходили длинные рыжие тени. Из внутреннего двора тянуло холодом. Элиана спустилась на нижнюю площадку и остановилась у высокого окна, выходившего во двор.

Посреди двора был старый фонтан, каменная чаша с бронзовым оленем, из пасти которого летом била вода. Его ещё не успели закрыть на зиму. Рейнар стоял возле него без плаща, в одной рубашке, положив здоровую руку на край чаши. Вокруг было пусто. Падал снег.

Вода в фонтане замерзала у неё на глазах. Не постепенно, как замерзает вода в мороз, а толчками, рывками, как будто кто-то бил по ней невидимым молотом. Лёд поднимался из чаши, рос, ветвился, взбирался по бронзовым ногам оленя,

по его груди, по запрокинутой голове, и струя, бившая из пасти, застыла в воздухе длинной ледяной иглой. Потом лёд треснул. С глухим, мучительным звуком, похожим на стон. Трещина прошла через всю чашу, через оленя, и бронза под ней тоже треснула, тонко, как стекло.

Рейнар убрал руку с камня и долго стоял неподвижно, опустив голову. Потом поднёс ладонь к лицу и потёр глаза, как человек, который очень устал и очень не хочет, чтобы кто-нибудь это видел.

Элиана отступила от окна в тень. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах.

Она вернулась к себе, не встретив никого, легла и долго лежала с открытыми глазами. В голове было пусто и звонко, как в той ледяной чаше. Он не ревновал. Он не мог ревновать: договор, свобода, спальня, не входящая в обязательства. Он сам всё это предложил. Он сам сказал, что требовать чувств бессмысленно.

Утром оказалось, что фонтан треснул от мороза. Так доложил садовник. Госпожа Брена выслушала доклад, посмотрела в окно на ясное, почти тёплое небо и ничего не сказала. Только сделала пометку в своей книге расходов.

* * *

В посольство нельзя было просто зайти.

Можно было приехать официально, в сопровождении фрейлины, двух стражников и секретаря. Можно было пригласить посланника во дворец. Но Элиана быстро обнаружи-

ла, что любое их слово в таких условиях становится частью отношений двух государств. Даже вопрос о том, сохранился ли старый дуб у шлюза, звучал бы как проверка территориальных притязаний.

Адриан предложил книжную лавку на нижнем рынке.

Она согласилась после двух дней колебаний. Страже сообщила, куда едет, но не к кому. Сама эта половинчатость заставляла чувствовать себя виноватой, хотя договор не требовал отчёта о каждом разговоре. Особенно перед человеком, который оставил рябину у её двери и ни разу об этом не заговорил. Особенно после фонтана.

Нижний рынок раскинулся вокруг старого водосборного колодца, и дождь стекал по натянутым над рядами полотнищам в жёлоба, звонко, как в оркестре из тысячи маленьких барабанов. В ясный день полотнища давали тень; теперь они пахли мокрой шерстью и зеленью, а под ними, в жёлтом свете масляных ламп, дымились жаровни с каштанами. Авернские купцы держались ближе к южным воротам, нордальские к пристани, но дети давно перестали соблюдать это разделение: они обменивались яблоками и бечёвкой через любую границу, которую взрослые успевали провести.

На почтовом столе у колодца лежали письма без печатей, перевязанные нитками разных цветов, красными, серыми, жёлтыми. Посредница, костлявая женщина в шали, объяснила, что после войны многие боятся оставлять имена на конверте. Одни пишут пропавшим сыновьям, другие живым му-

жьям, от которых не знают, чего ждать. Почта не проверяла родства; за небольшую плату она обещала лишь доставить слова туда, где их могли принять.

— Значит, вы торгуете надеждой? — спросила Элиана.

— Нет, ваше величество. Надежду люди приносят с собой. Я беру деньги за лошадей и за то, чтобы гонец не выбросил письмо у первой же заставы.

Элиана сочла ответ честным. Не утешительным: рынок и не обязан был утешать.

Книжная лавка пряталась в переулке за рыбными рядами. Хозяин, сутулый старик с чернильными пятнами на манжетах, провёл её в заднюю комнату мимо шатких стопок и молча затворил дверь. Здесь пахло пылью, яблоками и столярным клеем, и тихо шуршали страницы на сквозняке. Адриан стоял у стола, над которым горела единственная лампа, и свет делал его лицо моложе.

На столе теснились предметы их прежней жизни: медный циркуль с погнутой ножкой, чернильница в форме утки, карта реки, исписанная их взаимными замечаниями, и тонкая деревянная линейка, на которой Элиана в девятнадцать лет вырезала зарубки за каждый день переговоров. Он привёз всё это с собой. Через всю страну, через границу, в посольском багаже, между депешами и сменой белья.

— Ты возишь с собой музей, — сказала она.

— Я вожу с собой доказательства. На случай, если ты забудешь, что всё это было.

Адриан провёл пальцем по старой карте.

— Здесь ты написала, что мой мост построен людьми, не умеющими считать.

— Я написала, что он рассчитан на телегу с одной осью.

— А рядом добавила: «если ось не украдут».

— Я была молода.

— Ты была права.

Он улыбнулся, но улыбка быстро устала. Элиана поняла, что он привёл её сюда не только ради воспоминаний. Рядом с картой лежал новый лист с отмеченными закрытыми переправами и частными лазаретами.

— Я нашёл твою книгу о водяных колёсах.

— Ты назначил тайную встречу ради гидравлики?

— Я хотел начать с беспроектного.

Она почувствовала, как уходит напряжение, накопленное за весь день, и вместе с ним что-то ещё, о чём не хотелось думать. Здесь можно было не говорить «ваше величество». Можно было поправить волосы, сесть неловко, пожаловаться на плохо закрывающееся окно.

Сначала они действительно смотрели книгу. Адриан показал чертёж колеса, которое собирался поставить в южном имении; до войны они обсуждали этот проект вместе, склонившись над одним листом, и она помнила, как его дыхание шевелило её волосы у виска.

— Дом всё ещё пуст, — сказал он. — Иногда я думаю, что он терпеливее меня.

Элиана провела пальцем по рисунку, по тонкой линии спицы.

— Ты не обязан ждать его вместе со мной.

— Я жду не дом.

Она подняла глаза. Он стоял совсем близко: она видела, как бьётся жилка у него на шее, видела тёмные точки на радужке, видела всё то, что когда-то знала наизусть и успела забыть. В его лице не было требования. Только надежда, к которой она так привыкла, что перестала замечать её вес.

— Он ревнует, — сказал вдруг Адриан. — Твой король. Я видел снег у него на плечах.

— Ты ничего не видел.

— Я видел, как он смотрел на кольцо. Так смотрят на чужой флаг над собственной крепостью. — Он помолчал. — Знаешь, что самое смешное? Я должен был бы радоваться. А мне страшно. Потому что человек, который так смотрит, однажды перестанет просто смотреть.

— Он не такой.

— Откуда ты знаешь, какой он? Ты знаешь его два месяца. Меня ты знаешь шесть лет.

— Именно поэтому я знаю, что ты сейчас скажешь. И прошу тебя, не говори.

Он не сказал. Он спросил другое, совсем тихо:

— Можно?

Она не ответила словами. Просто кивнула. И потом много раз будет думать, кивнула ли она ему или той себе, двадца-

тилетней, которая когда-то стояла под навесом мельницы и не знала, что лето может кончиться.

Поцелуй вышел коротким и знакомым до боли. Его ладонь легла ей на щёку, шершавая от поводьев, осторожная, и губы были тёплыми, пахли яблоками и дорожной пылью. Тело вспомнило всё раньше, чем разум успел возразить: как подаётся вперёд, как выдыхает, как пальцы сами находят его воротник. На один безрассудный вдох она позволила себе снова быть двадцатилетней, у которой впереди целое лето.

А потом, посреди этого поцелуя, перед её закрытыми глазами вдруг встал ледяной олень с треснувшей грудью. И одинокий человек без плаща, который трёт глаза здоровой рукой, думая, что его никто не видит.

Она отступила первой и упёрлась ладонью в стол.

— Я не знаю, правильно ли это.

— Ты не обещала ему любви.

— Это не значит, что мои поступки никого не касаются.

Адриан опустил руки.

— Прости. Я хотел простого ответа.

— Я тоже.

Они сели по разные стороны стола. Ей не хотелось уходить, превращая встречу в ошибку. Но и продолжать прежнюю игру, будто между ними всего лишь лишнее расстояние, стало невозможно: слишком горели губы, слишком ясно она слышала собственное сердце.

Тогда Адриан достал вторую папку.

— Есть кое-что, о чём я не хотел говорить в посольстве.

Внутри лежала копия счёта торгового дома «Белая мера». Оплата зерна, которое, согласно северным документам, ещё стояло на складах, уже была проведена как доставка на восток.

— Откуда это?

— Один из наших купцов просил помочь с пошлиной. Я увидел знакомый номер. Ты упоминала его в письме.

Элиана подтянула свечу.

Они работали почти час, плечом к плечу, как раньше. Адриан помнил торговые коды, она складские записи. По отдельности бумаги ничего не доказывали. Вместе они показывали, что груз дважды сменил владельца, не покидая северной земли.

— Я могу передать копию Рейнару?

Адриан задержался с ответом.

— Если ты не назовёшь купца. Он доверился мне.

— Мне понадобится источник.

— Сначала проверим ещё одну поставку. Тогда у нас будет не случайность. — Он помолчал и добавил, не глядя на неё: — И тогда это будет моя находка, а не твоя. Прости. Мне нужно, чтобы хоть что-то здесь было моим.

Предложение было разумным. Элиана согласилась, хотя что-то в его осторожности оставило осадок, а последние слова кольнули так, что она не нашлась с ответом.

На улице она велела кучеру ехать прямо во дворец.

Стражник не спросил ни о чём. Это не избавило от ощущения тайны, но заставило яснее понять: она создала её сама.

Вечером Рейнар пришёл к ужину. Он был спокоен, вежлив, расспросил Миру о здоровье её матери и похвалил суп. Потом осведомился у Элианы, хороша ли книга.

— Очень. Там замечательная глава о напоре воды.

— Наконец достойный соперник дворцовому церемониалу.

Она посмотрела на него, пытаясь понять, знает ли он о встрече. Лицо оставалось спокойным, но на секунду, всего на секунду, его взгляд задержался на её губах, как на строке, которую не стоило читать. Потом опустил на её правую руку. Кольцо было на месте. Рейнар отвёл глаза и попросил передать хлеб.

Элиана решила, что в следующий раз скажет прямо. Но следующий раз ещё не наступил, а сложенный счёт уже лежал под её личными письмами. И в эту ночь полосы света под дверью библиотеки не было. Рейнар ушёл работать в другое крыло.

Глава 6. Тёплые камни

Саэль поселилась в доме возле старой городской стены, где прежде размещалась часовая мастерская. Эльфийка не любила дворцов: по её словам, в них слишком часто принимают высокие потолки за широту мысли.

Мастерская осталась такой, какой её оставили часовщики. По стенам висели шестерёнки всех размеров, от крошечных, с ноготь, до огромных, похожих на мельничные жернова; в ящиках хранились осколки камней, а под потолком тянулись тонкие медные нити, отзывавшиеся на малейшее движение воздуха мелодичным звоном. Пахло маслом, воском и жасминовым чаем. В углу стояли часы с остановившимся маятником, и стрелки на них навсегда показывали без четверти три. Саэль говорила, что это единственное честное время в городе: оно никуда не торопится и никому не врёт. Она пришла сюда после того, как отказалась занять место матери в Совете рощ. Она предпочла учить тех, кого совет считал неудобными.

Она пригласила Элиану на чай и поставила на стол чашку без ручки.

— Согрейте.

— Вы переоцениваете мои способности.

— Ваши способности, вероятно, устали от того, как вы их оцениваете.

Элиана сосредоточилась. Вода стала едва тёплой. Саэль кивнула, как будто результат её устроил.

— Теперь скажите, где чашку чинили.

На бледной глазури не было ни трещины. Элиана повернула чашку, провела пальцем по дну, и вдруг перед глазами появилась тонкая белая полоска, спускавшаяся от края. Под ногтем возникло неприятное натяжение, как от засевшей занозы.

— Здесь.

— А что нужно сделать, чтобы она снова разбилась?

Элиана поспешно убрала руку.

Саэль улыбнулась впервые, едва заметно, одними глазами.

— Хорошо. Значит, вы ещё не настолько глупы, чтобы исполнять любой приказ учителя.

У Вейров был не каменный дар. Камень просто лучше других вещей хранил след. Их магия различала связи, созданные действием и волей: швы кладки, узлы защитных чар, закреплённые серебром обещания. Некоторые Вейры умели эти связи ослаблять. Единицы умели переплетать.

— Поэтому я увидела нити на мосту?

— Поэтому я и пригласила вас.

— Вы знали заранее?

— Подозревала. У вашей матери дар проснулся после рождения первой дочери. У вас, вероятно, его разбудила клятва на старом серебре. Такие вещи не подчиняются календарю.

— А у шлюза? — Элиана вспомнила белую нить на дне, дрожащую в такт ударам цепи. — За день до свадьбы я тоже видела. Тогда никакой клятвы не было.

Саэль долго смотрела на неё.

— Была, — сказала она наконец. — Просто не на серебре. Иногда достаточно, чтобы два человека пообещали друг другу что-то очень важное, стоя над старым камнем. Что вам пообещали у шлюза, ваше величество?

Элиана опустила глаза на правую руку. Зелёный камень поблёскивал в свете лампы.

— Что меня не перестанут любить.

— Это очень тяжёлое обещание, — тихо сказала эльфийка. — Тяжелее любого договора. Договор можно расторгнуть. Такое обещание остаётся в камне, даже когда люди о нём забывают.

— Король знает?

Саэль отставила чайник.

— О вашем даре нет. Об истории вашей семьи да.

Элиана услышала то, чего эльфийка не сказала.

* * *

На следующий день урок продолжился. Саэль дала ей порванную ленту, склеенную тарелку и камень из стены. Элиана работала до головной боли, сумела увидеть три связи и перепутала четвертую с прожилкой кварца. К вечеру у неё дрожали руки, а в висках стучало, как в кузнице.

— Дар не читает мысли, — предупредила Саэль. — И

не отличает честного человека от лжеца. Клятва показывает устройство обязательства. Человек может произнести правду и замышлять преступление.

— Вы говорите так, будто преподавали при дворе.

— Сто семь лет. Потом потребовала надбавку за вредность. Мне предложили орден.

Элиана стала приходить трижды в неделю. Рейнару сказала, что изучает эльфийский договорный язык. Это была правда, но лишь часть правды, и потому особенно неприятная на вкус.

Он ничего не спросил. После вечера с фонтаном он вообще стал спрашивать меньше. Был безупречно вежлив, приходил к ужину, обсуждал с ней сметы, приёмы, пристань, поставки, и однажды, когда она пошутила, рассмеялся, но смех вышел будто взятым взаймы. Полоска света под дверью библиотеки больше не появлялась. Элиана ловила себя на том, что по вечерам смотрит на эту дверь, на тёмную щель под ней, и ей становилось холодно, хотя в камине горел огонь.

— Вы часто спасаете людей, которые вас не просили, — заметила однажды Саэль.

— Так быстрее.

— Быстрее для кого?

Элиана покрутила чашку без ручки. На дне темнело кольцо от прежнего настоя.

— Для того, кому больно.

— А потом больно вам, — сказала Саэль. — И вы назы-

ваете это платой, хотя никто не договаривался.

В дверях возникла Нерилис, младшая сестра Саэль. Серое платье на ней было из ткани, которую не брали ни грязь, ни взгляд. Она принесла стопку писем, поставила на край стола и не сняла перчаток.

— Ты опять учишь людей отказываться от помощи?

— Только от той, которой они не просили.

— Значит, сегодня ты будешь занята до вечера.

Нерилис задержалась у двери. Её тёмный взгляд скользнул по рукам Элианы, по белой нити, которая ещё дрожала между пальцами, и в глазах эльфийки что-то вспыхнуло, жадно и коротко, как вспыхивает огонь, когда в него бросают сухую траву.

— Вы пользуетесь гребнем, ваше величество? — спросила она.

— Нет.

— Жаль. Он помогает видеть сны яснее. А людям, у которых просыпается дар, снятся очень интересные сны.

Она ушла. Саэль долго смотрела на закрывшуюся дверь.

— Не пользуйтесь гребнем, — сказала она наконец. — Я говорила, что он безопасен. Это правда. Но безопасное и бескорыстное не одно и то же.

* * *

Адриан узнал об уроках случайно. Он зашёл в мастерскую, когда Элиана пыталась разъединить два зачарованных кольца, и замер на пороге, увидев, как она сидит, подобрвав

ноги, с растрёпанной косой и перепачканными пальцами.

— Неужели научилась кипятить чай?

Она улыбнулась и показала ему белую нить, дрожащую между кольцами. Он не увидел ничего, но взял кольца с таким вниманием, словно они и правда были чудом, и пальцы его на мгновение коснулись её пальцев.

— Ты всегда была сильнее, чем тебе говорили.

Ей не хватало этих слов. Рейнар говорил с ней о решениях и последствиях. Адриан помнил девочку, которая боялась оказаться бесполезной.

Он остался до вечера. Сидел в углу на ящике с шестерёнками, вертел в руках какую-то пружинку и смотрел, как она работает, и время от времени говорил что-нибудь смешное, и она смеялась и ошибалась, и Саэль ворчала, что посторонние отвлекают ученицу, но не прогоняла его. Когда стемнело, он предложил проводить её до дворца. Они пошли пешком, по нижней улице, где пахло жареной рыбой и печным дымом, и Адриан рассказывал о посольском поваре, который считал корицу военной провокацией, и Элиана впервые за неделю почувствовала, что ей легко.

В тот вечер она впервые написала мужу записку сама, коротко и по делу: задержится в посольстве на ужин.

Ответ принёс слуга. Один лист, четыре слова: «Благодарю, что сообщили».

Она долго смотрела на них, чувствуя странное раздражение. В записке не было запрета, но не было и тепла. Почерк

был ровным, как всегда, только в слове «сообщили» перо на-
давило слишком сильно и порвало бумагу. Элиана провела
пальцем по этой маленькой прорехе. И ещё не могла при-
знаться себе, какое из двух отсутствий задело её сильнее. За-
то призналась, что весь ужин ловила себя на том, что при-
слушивается к шагам в коридоре посольства, и каждый раз
это были не его шаги.

Адриан заметил.

— Ты ждёшь кого-то, — сказал он, когда подали десерт.

— Нет.

— Ты трижды обернулась на дверь.

— Сквозняк.

Он отложил ложку.

— Лина, я шесть лет учился читать твоё лицо. Не делай
вид, что я разучился за два месяца. — Он помолчал. — Ты
ждёшь, что он придёт за тобой.

— Он не придёт. У нас договор.

— Да. Именно поэтому ты и ждёшь. — Адриан встал и
подошёл к окну. За стеклом падал снег, и в свете посольских
фонарей он казался золотым. — Знаешь, чего я боюсь боль-
ше всего? Не того, что он тебя заберёт. А того, что ты одна-
жды сама уйдёшь. Тихо, по шагу, вот так: сначала переста-
нешь говорить мне о свете под дверью, потом о том, что он
сказал за ужином, потом о том, о чём думаешь перед сном. А
я буду стоять и смотреть. Потому что не имею права ничего
требовать.

Элиана не ответила. Ей нечего было ответить. Он был прав, и это было самым страшным.

* * *

На пятом уроке лопнуло окно.

Элиана всего лишь пыталась развязать старый узел на кожаном ремне. Белая нить упрямылась, и она усилила нажим, совсем немного, как ей показалось. Она думала в эту минуту о записке с порванным словом, о фонтане, об Адриане у окна, и злость, тёмная, бессильная, хлынула в пальцы прежде, чем она успела её удержать. В стекле возникла звезда трещин, и снаружи донёлся резкий, тонкий свист, похожий на крик ножа по камню.

Саэль мгновенно погасила лампу и оттащила ученицу от стола.

В раму ударилась чёрная птица. Она не упала: на лету рассыпалась пеплом и оставила на подоконнике медную иглу, горячую, как уголь. Осколки стекла брызнули в комнату. Элиана вскинула руку, закрывая лицо, и почувствовала, как что-то острое полоснуло по запястью.

— Не трогайте, — сказала эльфийка.

Элиана стояла у стены, прижав ладонь к груди, и чувствовала, как сердце колотится о рёбра.

— Я это вызвала?

— Вы дали направление. Кто-то послал слушателя.

Саэль завернула иглу в плотную ткань. Потом села и велела Элиане сделать то же самое.

Каждое сильное применение дара Вейров оставляло след в связях мира. Люди без подготовки его не замечали. Эльфийские слушатели и некоторые драконы могли определить место: сперва приблизительно, а при повторении всё точнее.

— Почему вы не сказали раньше?

— На маленьких предметах след слаб. Я поставила защиту. И недооценила тех, кто вами интересуется. — Саэль помолчала. — И ещё недооценила вас. Вы ударили по узлу не силой, ваше величество. Гневом. Гнев звучит громче, чем вы думаете. Его слышно очень далеко.

— Вы говорите почти как мой муж.

— Это неприятная новость для нас обоих.

Элиана не улыбнулась.

Саэль приняла её недовольство без обиды. Она показала чертёж защитного круга, объяснила границы. В мастерской след можно было приглушить, но не уничтожить. На открытом месте любое вмешательство становилось коротким зовом.

— Значит, я не смогу пользоваться магией тайно?

— Обещать вам этого не смогу.

Элиана подошла к разбитому окну. На улице женщина торговала каштанами, дети тянули друг друга за шарфы. Всё выглядело обыкновенно. От этого было особенно страшно: опасность не обязана менять пейзаж.

— Можно научиться посылать ложный след?

Саэль подняла голову.

— Можно. Но такие знания принадлежат драконам, которые помнят древнюю войну. Я их не преподаю.

— Почему?

— Потому что не знаю.

Это признание неожиданно успокоило Элиану. Учительница, способная произнести «не знаю», казалась надёжнее самого безупречного мудреца.

Они составили правила. Никакой самостоятельной работы вне круга. Никаких попыток усилить действие из раздражения. После каждого урока запись о том, что именно произошло. И ещё одна строка, добавленная самой Элианой: «Об опасностях сообщают до упражнения, а не после разбитого окна».

Саэль подписала.

Медную иглу передали Торе, начальнице дворцовой стражи, сухой и немногословной женщине с коротко остриженными седыми волосами. Тора повертела свёрток в руках, не разворачивая, и сказала: «Видела такие. Под Семью Бродами. Тогда их находили у мёртвых разведчиков», и ушла, не дожидаясь вопросов.

Рейнар, узнав о случившемся, пришёл в мастерскую сам. Он вошёл быстро, почти вбежал, в расстёгнутом плаще, и остановился на пороге, увидев Элиану у стола. Мгновение он просто смотрел на неё, и в его лице не было ничего королевского: только облегчение, такое сильное и такое голое, что ей стало неловко на него смотреть. Потом оно исчезло. Он

застегнул плащ и спросил ровным голосом, нужно ли прекратить занятия. Элиана ответила, что не нужно, но охрана у мастерской не помешает.

Он согласился без дальнейшего спора. Это было почти подозрительно.

* * *

Поздним вечером она нашла его в библиотеке. Впервые за неделю под дверью снова горела полоска света, и Элиана стояла перед этой дверью долго, с ключом в руке, прежде чем решилась. Ключ повернулся легко, будто его смазали заранее. Дверь была не заперта с той стороны. Она и не была заперта, поняла Элиана. Ни разу за всё это время.

Свет лампы лежал на полу жёлтой полосой. Рейнар сидел над столом, заваленным листами, и она увидела наброски чёрной птицы и несколько похожих игл, зарисованных из старых дел. Значит, он тоже искал. Не дожидаясь, пока она придёт и расскажет.

— Вы не спите, — сказал он, не оборачиваясь.

— Вы тоже.

Он поднял глаза и замер. Взгляд его остановился на её руке: на запястье, под рукавом, темнела свежая царапина от осколка, из которой всё ещё сочилась тонкая алая нитка.

— Подойдите.

Это не было приказом. В голосе, тихом и немного хриплом, не прозвучало ничего, кроме просьбы. Элиана подошла. Рейнар достал из ящика чистый лоскут и склянку с настой-

кой и взял её запястье в свою руку, ту, со шрамом, осторожно, как берут то, что может разбиться. Кожа его ладони была жёсткой и прохладной. Пахло смолой и лекарственной горечью.

— Больно?

— Нет.

Он промокнул царапину и перевязал её полоской ткани, и всё это время не поднимал глаз. Пальцы двигались бережно, а дыхание было очень ровным, слишком ровным, как у человека, который держит его нарочно. Элиана смотрела на его склонённую голову, на серебряную прядь у виска, на ресницы, отбрасывающие тени на скулы.

— Я видела фонтан, — сказала она тихо.

Его пальцы остановились. Всего на миг, на одно мгновение. Потом снова начали завязывать узел.

— Садовник сказал, что это мороз.

— Я видела, как это было. Из окна. Я не спала.

Он затянул узел и только тогда поднял на неё глаза. Серые, совсем без зелени, как вода подо льдом.

— Что вы хотите, чтобы я сказал, Элиана? Я подписал договор, в котором обещал не требовать от вас чувств. Я сдержу его. Но я не подписывал договора, в котором обещал бы не иметь их сам. — Он отпустил её руку. — Это моя забота. Как рука. Не ваша.

— А если я хочу, чтобы это была и моя забота?

Слова вылетели прежде, чем она успела их остановить, и

повисли в воздухе между ними, хрупкие, как та ледяная игла над фонтаном. Рейнар смотрел на неё долго. Потом очень медленно покачал головой.

— Не сейчас, — сказал он. — Не тогда, когда вы пришли ко мне в полночь после разбитого окна, с порезанной рукой и с этим кольцом на пальце. Вы испуганы. Вы устали. Вы чувствуете себя виноватой. Ни одна из этих причин мне не нужна. Если когда-нибудь вы скажете это снова, при свете, без страха, я выслушаю. А сейчас идите спать.

— Вы невыносимы.

— Мне говорили. — Уголок его рта дрогнул. — В основном лошади и госпожа Брена.

— Готово, — сказал он потом, поправляя край повязки, хотя всё давно было готово. — Слишком быстро заживает у вас, кстати. Это тоже дар Вейров?

— Не знаю.

— Узнайте. И расскажите мне. Не потому, что я король. Потому что я хочу знать.

— Спасибо.

— Это пустяк.

Но он по-прежнему не смотрел на неё. И когда она уже стояла у двери, он сказал, глядя в свои бумаги:

— Дверь с моей стороны никогда не была заперта. Вы, наверное, заметили.

— Заметила.

— Она и не будет.

Элиана вернулась к себе и не стала запира́ть дверь. Впервые. Ключ так и остался лежать на столе, на сложенном листе со словом «Ваш».

В ту ночь она написала Адриану о новой опасности. Впервые перед тем, как запечатать письмо, вычеркнула название места следующего урока. Посидела, глядя на чёрную полосу, и почувствовала, что потеряла ещё одну маленькую беспечность. Потом сняла зелёное кольцо и положила его рядом с письмом. Подумала. Снова надела. Сил снять его насовсем у неё пока не было, и она ненавидела себя за эту слабость почти так же сильно, как за то, что на запястье, под повязкой, до рассвета ровно и тепло пульсировало то место, где её касался король.

Часть вторая. Нити и письма

Глава 7. Права воздуха

В октябре загорелась драконья пристань.

Элиана увидела дым из окна зала совета: сначала тонкую серую нить, потом чёрный столб, который ветер растрепал над крышами, как пряжу. Рейнар поднялся раньше, чем ударил колокол. Через минуту его место пустовало, кресло ещё качалось, а за дверью грохотали сапоги охраны.

Она поехала следом не из храбрости. На пристани работали авернские плотники, и канцлер уже успел произнести слова «не исключено умышленное повреждение». Элиана хотела увидеть пожар прежде, чем из него сделают повод для новой войны.

Дорога к пристани поднималась серпантинном над городом, и с каждым поворотом дым становился гуще. Лошадь храпела и мотала головой; Тора, скакавшая рядом, перехватила повод и не отпускала его до самого верха. Навстречу бежали люди с вёдрами, кто-то вёл под руки обожжённого старика, и старик всё оборачивался и повторял одно и то же, неслышное за рёвом: Элиана прочла по губам «она живая, она ещё живая».

Драконья пристань оказалась каменной площадкой над

ущельем, голой и продуваемой, с выгрызенными в скале стоянками и железными кольцами в стену толщиной с бедро. Горел деревянный навес с кормовыми запасами. Огонь ревел, выбрасывая в небо ленты искр, пахло палёной шерстью, смолой и чем-то сладким, жутким, чего Элиана не сразу назвала: горящим мясом. В дыму металась молодая драконица, и её перепончатое крыло было прижато упавшей балкой. Драконица кричала. Элиана никогда не слышала, как кричат драконы, и потом всю жизнь жалела, что услышала: это был не рёв, а тонкий, почти детский, захлёбывающийся плач.

Рейнар стоял у огня.

Воздух вокруг его рук серебрился инеем, тонкие белые узоры бежали по камню под его сапогами. Он не тушил пламя. Он оттягивал жар от пленённого крыла, медленно, как вытягивают яд из раны, и этим давал людям время поставить рычаги. На виске у него вздулась жила, по лицу катился пот, а губы побелели. Левая рука, та, что едва зажила после моста, дрожала мелкой, непрерывной дрожью, и Элиана увидела, как по пальцам расплзается синева.

— Назад, — сказал он, увидев Элиану.

— Где плотники?

— Троих вывели. Один под навесом. Назад, Элиана.

Он говорил поверх рёва огня, не оборачиваясь, уже отсчитывая рычаги и секунды, и спорить было некогда.

Под ногами светилась тонкая линия. Крепление навеса, скреплённое простыми строительными чарами, держало вес

обрушившейся балки. Если ослабить левый узел, балка уйдёт в сторону ущелья. Если правый, раздавит драконицу.

Элиана опустилась на колени.

Всё, чему учила Саэль, теперь казалось игрой: чашки, ленты, кольца. Здесь нить была толще запястья, и в ней дрожала тяжесть мокрой древесины. Она положила ладонь на раскалённый камень и не отдёрнула. Боль пришла не сразу, а потом сразу вся, белая и звенящая, и Элиана прикусила губу так, что почувствовала вкус крови.

Правила, которые они с Саэль подписали неделю назад, лежали в ящике её стола. Никакой самостоятельной работы вне круга. Об опасностях сообщают до упражнения. Она вспомнила о них ясно и спокойно, как вспоминают о вещах, которые придётся потом оплатить.

Она не разорвала связь. Только сдвинула натяжение, как сдвигают ремень на больном плече.

Балка скользнула. Над пристанью прошёл тонкий звон: её дар оставил след, и где-то уже могли поворачиваться к нему чужие слушатели. Но выбирать между будущей погоней и придавленным крылом было поздно. Закричали люди. Драконица вырвала крыло, и Рейнар рухнул на одно колено, выдохнув облако белого пара.

Огонь тут же рванулся к соседнему навесу, где хранили сухой корм. Брезентовые полотнища хлопали на ветру и вспыхивали по краям, дым стелился над площадкой едкой серой пеленой. Плотники вытащили из-под балки мальчиш-

ку-подмастерья, и тот, кашляя, продолжал сжимать молоток так, словно инструмент мог засвидетельствовать, что он не испугался.

Драконица упала на бок и попыталась подняться снова. Её чешуя отливала тёмной медью, рассечённая перепонка кровоточила, но уже не сильно. Рейнар шагнул к ней и тут же пошатнулся. Элиана успела подхватить его за локоть.

Он был горячим и ледяным одновременно, как металл на морозе, и мелко дрожал, и её пальцы, сжимавшие его рукав, вдруг ощутили каждую мышцу, каждое усилие, которое он не позволял себе показать.

— Осторожнее, ваше величество, — сказал один из плотников. — Вы сейчас тоже станете частью пристани.

— Я предпочёл бы обойтись без памятной доски, — ответил Рейнар.

Он выпрямился, опираясь на её руку лишь одно мгновение, такое долгое, что она успела почувствовать, как колотится его сердце. Потом отнял локоть и снова повернулся к людям.

Последнего плотника достали живым.

* * *

Через час, когда пожар погас и над ущельем повисла жёлтая гарь, Элиана сидела за каменной оградой на перевёрнутом ведре. У неё из носа шла кровь. Она прижимала к лицу чужой платок, пахнувший дымом и мужским потом, и ладонь, которой она касалась камня, горела под перчаткой так, будто

её держали над углями.

Адриан нашёл её первым.

Он примчался из посольства верхом, без шляпы, в расстёгнутом камзоле, и спрыгнул с лошади, не дождавшись, пока та остановится. Элиана не видела, как он бежал через площадку; она увидела его только тогда, когда он уже стоял на коленях перед ведром и держал её лицо в ладонях.

— Ты ранена. Лина, ты ранена, где...

— Это нос. Это просто нос, Адриан. Пройдёт.

— Рука. Покажи руку.

Он стянул с неё перчатку, очень осторожно, палец за пальцем, и выругался сквозь зубы, увидев ладонь: красную, вздувшуюся пузырями. Потом снял с себя плащ и укутал её, как укутывал когда-то в затопленных деревнях, туго, до самого подбородка, и прижал к себе, и она уткнулась лицом в его плечо, потому что сил держать голову больше не было. От него пахло полыньёю и конским потом, и это был запах дома, и Элиана заплакала, впервые за этот день, беззвучно и сразу вся, как плачут дети.

— Тише, — шептал он ей в волосы. — Тише. Я здесь. Я с тобой.

Когда она подняла голову, Рейнар стоял в трёх шагах.

Лицо у него было чёрным от копоти, на скуле запеклась кровь, левую руку он прижимал к груди, и пальцы её были синими до самого запястья. Он смотрел на них: на неё в чужом плаще, на руки Адриана у неё на спине, на мокрые до-

рожки слёз на её щеках. Смотрел не дольше, чем нужно, чтобы понять. Потом перевёл взгляд на Адриана.

— Господин посланник. Благодарю, что позаботились о королеве. Лекарь ждёт у ворот.

— Я сам отвезу её к лекарю, — сказал Адриан, не разжимая рук.

— Как вам угодно.

Рейнар повернулся, чтобы уйти. И тогда Элиана, сама не понимая, зачем, сбросила с плеч плащ Адриана и встала.

— Подождите.

Он остановился.

— Ваша рука, — сказала она.

— Это моя забота.

— Я помню. Вы уже говорили.

Они стояли друг против друга на закопчённой площадке, оба в саже, оба с изувеченными руками, и Адриан смотрел на них снизу, с колен, и в лице его было то же самое выражение, что на мосту: понимание, что он опоздал. Хотя он пришёл первым.

— Вы могли погибнуть, — сказал Рейнар.

— Как и вы.

— Я знал, что делаю.

— Я тоже. Приблизительно.

Он отвернулся, провёл рукой по лицу, оставив на скуле ещё одну чёрную полосу. Вернулся не сразу.

— Насколько приблизительно?

Она рассказала. Про чашу, про Саэль, про уроки, про то, что «эльфийский договорный язык» был лишь частью правды. Про белые нити и про то, что она умеет их сдвигать. Он слушал, не перебивая, и от этого было труднее: лучше бы он кричал.

— Вы не сказали мне.

— Вы тоже не сказали, что знали об истории моей семьи.

— Я не знал, что у вас есть дар.

— Но надеялись?

Молчание растянулось. Где-то внизу, в ущелье, тоскливо кричала драконица, и звук отдавался эхом, пока не затихал.

— Допускал, — сказал он наконец.

Элиана наклонилась, подняла с земли плащ Адриана и протянула ему, не глядя.

— Вот и ещё одна поправка, которую забыли прислать до свадьбы.

Рейнар не пытался её остановить. Адриан взял плащ, поднялся, предложил ей руку; она не взяла и пошла к воротам одна. И это почему-то задело её сильнее любых слов: она ушла, а за спиной не раздалось ни шага. Ни одного из двух.

У ворот пристани лежала обгоревшая бронзовая скоба. По металлу шла чёрная вязь, слишком ровная для случайного нагара. Разглядывать её сил уже не оставалось; Элиана завернула находку в платок.

Позднее следователь сообщит, что авернский плотник оставил жаровню возле смолы. Кельт предложит выслать

всех южан с военных объектов. Рейнар откажет. А драконица, которую звали Сирра, через неделю пришлёт к дворцовым воротам обгоревшую ветку горной сосны с привязанной к ней медной пластинкой. На пластинке будет нацарапано когтем одно слово: «Должна». Элиана повесит ветку над камином и запретит слугам её трогать.

* * *

В ту ночь Элиана снова заперла дверь между библиотекой и своими комнатами. Неделию назад она оставила её открытой, и это казалось ей тогда маленьким, смелым шагом через пропасть. Теперь она повернула ключ медленно, до последнего оборота, и долго стояла, прижавшись лбом к дереву.

По ту сторону слышались шаги: он ходил по библиотеке взад и вперёд, останавливался, снова ходил. Один раз остановился совсем близко, у самой двери, и Элиана затаила дыхание, потому что услышала, как он положил ладонь на створку. Ту самую, с которой три месяца назад говорил с ней в первую ночь. Дерево под её лбом стало холодным, очень холодным, и по нему, от его стороны к её, медленно проступил иней.

Он не постучал. Она не открыла. И оба, каждый со своей стороны двери, ещё долго делали вид, что это не ожидание.

* * *

В списке хранителей не хватало одного имени.

Элиана наткнулась на это на следующий день, разбирая хроники Предела, которые теперь, после пожара, ей выдали

без возражений. Перевязанная ладонь мешала переворачивать страницы, и она делала это левой рукой, неловко, по одной.

Между службой бабки и переходом обязательств к северной короне лежали одиннадцать лет, обозначенные одним безобидным словом: «перерыв». За эти годы Предел ремонтировали шесть раз. Кто-то подписывал акты приёмки, получал содержание и однажды заказал три бочки чернил.

Даже магическая пустота вряд ли нуждалась в таком количестве чернил.

Библиотекарь принёс расходные книги, тяжёлые, пахнущие плесенью и сухими цветами, пересыпанные крошкой от рассыпавшихся переплёттов. В одной из них сохранились инициалы: Л. В.

Летиция Вейр.

Элиана знала это имя. Младшая сестра её матери пропала во время северной поездки за восемнадцать лет до свадьбы. Дома говорили о несчастном случае в горах. Портрет убрали из галереи, потому что мать плакала, проходя мимо. Потом умерла и мать, и портрет так и не вернули. Элиана помнила только, что тётя пахла чабрецом и однажды научила её свистеть, зажав травинку между большими пальцами, а отец потом три дня не мог вынести этого свиста.

Рейнар пришёл, когда она сидела над книгой при единственной свече. Он остановился в дверях, как человек, не уверенный, что ему рады, и замер, не переступая порога. Ру-

ка у него была забинтована до локтя.

— Почему вы не сказали, что моя тётя была хранительницей?

Он посмотрел на страницу.

— В документах, которые мне передали, её считали наблюдателем. О родстве я не знал, пока архивист не составил вашу родословную.

— И потом не сочли нужным спросить, что с ней случилось?

— Спросил. Мне ответили, что она погибла в горах.

— Кто ответил?

Он понял вопрос раньше, чем она договорила.

— Кельт.

Элиана закрыла книгу. Подозрение ещё не стало доказательством, но обрело знакомое лицо, холёное, с аккуратно подстриженной бородой.

Рейнар всё так же стоял в дверях. Свеча дрожала, и тень от его фигуры вытягивалась через всю комнату, не касаясь её.

— Вы всё ещё сердитесь, — сказал он.

— Да.

— Я бы удивился, если бы нет. — Он помолчал. — Он хорошо о вас заботится. Посланник. Он примчался раньше лекаря.

Это было сказано без яда, почти устало, но Элиана подняла голову так резко, что свеча качнулась.

— Вы стояли и смотрели.

— Да.

— Почему не подошли?

— Потому что вы плакали у него на плече, а не у меня.

— Он произнёс это очень тихо и очень просто. — Я не умею отнимать у людей то, что их утешает. Даже когда очень хочу.

Он кивнул и ушёл, не прибавив ни слова, а она ещё долго смотрела на пустой дверной проём.

* * *

Саэль узнала почерк Летиции сразу. Долго держала лист в длинных пальцах, прежде чем заговорить.

— Она хотела пересмотреть договор. Говорила, что нельзя передавать хранение как имущество. Мы поссорились.

— Из-за чего?

— Я считала, что опасно менять устройство Предела, пока люди воюют. Она считала, что именно это устройство делает войну неизбежной.

— И кто оказался прав?

Саэль посмотрела на обгоревшую скобу, лежавшую на соседнем столе. Потом на перевязанную ладонь Элианы и вздохнула.

— У вас впереди долгая учёба. Постарайтесь не путать возраст с правотой. И постарайтесь, ради всех роц, не класть руки на горящий камень без учителя.

— Там было крыло.

— Там всегда будет крыло. — Эльфийка покачала головой. — Ваша тётя говорила то же самое. Слово в слово.

Элиана попросила всё, что осталось от тёти. Получила старую перчатку из мягкой серой кожи, письмо без окончания и деревянную коробочку с сухими семенами, которые пахли чабрецом. Никакой великой тайны, никакой карты к спасению мира. Только следы женщины, которая собиралась продолжать жить.

В письме нашлось одно странное предложение: «Пока обвиняют того, кто вынес пленников, никто не спрашивает, кто запер двери».

Внизу стояло название заставы: Каменный Зуб.

Элиана переписала его и отправила Адриану. Он знал людей, работавших с архивами войны. Ответ пришёл через два дня: заставу сжёг дракон по имени Ирт. Его разыскивали оба государства. Свидетельницей обвинения значилась Нерилис.

Летиция Вейр исчезла через неделю после слушания.

В конце письма Адриан приписал: «Как твоя рука? Я не сплю ночами, вспоминая твою ладонь. Я должен был быть там раньше. Я всегда должен быть раньше». Элиана долго держала этот лист, а потом спрятала его в шкатулку с материнскими брошами, туда, где лежали вещи, которые не продают.

В книге оставался отпечаток круглой печати, продавленной сквозь две страницы. На просвет знак распадался на четыре дуги: государственный узор Аверна, если смотреть издали, и личная метка архива хранителей, если знать, где искать разрыв.

Элиана позвала библиотекаря. Старик Йорен явился с увеличительным стеклом, которое носил на цепочке, как медаль. Когда-то он был переплётчиком при дворе её деда и знал цену бумаге лучше, чем цену титулу. У него были тонкие, удивительно чистые пальцы, и страницы он переворачивал так, словно они могли заговорить.

— Эти листы меняли, — сказал он, не поднимая головы. — Вот здесь шов старый, а клей новый. Так скрепляют книгу, когда хотят, чтобы она выглядела нетронутой.

— Вы можете установить, кто это сделал?

— Я могу сказать, что это делал человек, привыкший к архивам. И что торопился. У настоящей подделки не должно быть характера.

Йорен попросил не уносить страницу и составил акт осмотра в двух экземплярах. Один запечатал в собственный футляр для очков, второй отдал Элиане.

— Старые книги, ваше величество, любят, когда их читают внимательно. Иногда больше, чем люди.

Она сложила акт и убрала под плащ. Обе даты ещё стояли перед глазами: одна уверенная, другая почти стёртая. За дверью архивист повернул ключ, и замок отозвался коротким звоном, похожим на звон бронзовой скобы у Предела.

Уже в коридоре Элиана поймала себя на том, что идёт медленно, будто ждёт, что кто-нибудь окликнет её из темноты. Никто не окликнул. Она вернулась к себе и долго, до боли в глазах, смотрела на запертую дверь между комната-

ми. Иней на ней давно растаял, но на дереве осталось тёмное влажное пятно, по форме похожее на ладонь, и оно не высыхало до самого утра.

Глава 8. То, что не было сказано

Три дня они общались через секретарей.

Записки летали между кабинетами, как птицы между двумя деревьями, и в каждой было ровно столько слов, сколько требовало дело. «Смета пристани утверждена. Р.» «Благодарю. Прошу выделить средства на лечение плотников. Э.» «Выделены. Р.» Мира, приносившая эти записки, через день стала держать их двумя пальцами, как держат дохлую мышь, и на третий заявила, что если их величества не начнут разговаривать сами, она начнёт подписывать их записки своим именем и добавлять туда стихи.

На четвёртый Рейнар пришёл к ней в кабинет с коробкой архивных бумаг. Не с цветами и не с оправданиями, за что Элиана была ему почти благодарна.

— Это всё, что я знал до нашего разговора в монастыре.

Он не сел. Стоял у стола, держа коробку обеими руками, и в тусклом утреннем свете под глазами у него лежали глубокие тени: он явно не спал, и, видимо, не только в эту ночь. Повязка на левой руке была свежей, но пальцы, выглядывавшие из неё, всё ещё отливали синевой.

В коробке лежали родословная Вейров, письмо северного архивиста, выписка из эльфийских хроник и карта Белой котловины. По краям карты стояли семь знаков.

— Семь узлов Предела, — сказал король.

На карте они выглядели крошечными отметками: северный перевал, речной уступ, две рощи, горное озеро, пепельный склон и старый каменный круг. Между ними тянулись тонкие линии, нанесённые разными чернилами. Где-то их провела прямая рука картографа, где-то эльфийская вязь, в которой сама линия казалась частью рисунка.

Элиана видела Белую котловину однажды, ребёнком, из окна кареты. Тогда она запомнила неподвижный снег и дракона над хребтом. Никто не объяснил ей, что внизу проходит граница, удерживающая бурю, способную перекрыть перевалы на многие годы.

— Если узлы держатся на согласии трёх народов, почему договоры подписывали короли? — спросила она.

— Потому что короли присваивают себе то, чего не умеют удержать, — ответил Рейнар. — А потом выясняют, что чужое согласие не становится наследственным.

— Это вы узнали из хроник или из семейной практики? Он провёл пальцем по краю карты.

— Из обоих источников. Мой отец считал, что северный узел можно поддерживать одной короной. Мой брат вернулся за ранеными, когда мы отступали от Семи Бродов, и не вернулся сам. Он был слишком молод, чтобы знать, что держать такое в одиночку нельзя.

В комнате стало тихо. Даже огонь в камине осел, словно ему тоже следовало слушать.

— Они удерживают зимнюю бурю за хребтом, — продол-

жил он глуше. — Мы поддерживаем их холодом и камнем. Эльфы живыми корнями. Драконы жаром. Когда-то в этом участвовали и ваши предки.

— И теперь узлы разрушаются.

— Два уже повреждены. Я могу ненадолго укреплять их, но это обходится всё дороже.

Она посмотрела на его ладонь.

— Поэтому обморожения.

— Холод тоже умеет обжигать. Особенно тех, кто думает, что привык к нему.

Элиана перелистнула хронику. Чёрная вязь на скобе была похожа на знак у третьего узла, только перевёрнутый.

— Вы женились на мне ради этой магии?

— Ради союза. И потому, что ваш род мог помочь с Пределом. Я не знал, есть ли у вас дар, и не собирался требовать невозможного. Но обязан был сказать вам.

Он произнёс последнее без попытки смягчить.

Она ждала продолжения: о долге короля, о тайнах государства, о необходимости. Он молчал.

— Почему не сказали?

— Боялся, что вы решите, будто вас покупают как лекарство для стены.

— Поэтому предоставили мне возможность узнать это после покупки.

— Да.

Злиться на человека, который не защищается, было не

легче. Просто злость не находила привычных опор и висела в воздухе, неприкаянная, как дым.

— А теперь? — спросила она. — Теперь, когда вы знаете, что дар есть. Вы рады?

Он поднял на неё глаза, и в них не было ни радости, ни расчёта. Только что-то тёмное и тяжёлое, как вода в проруби.

— Я видел, как вы стояли на коленях на горящем камне. Видел вашу ладонь. — Он помолчал. — Нет, Элиана. Я не рад. Я бы отдал этот дар обратно, если бы мог. Вместе с узлами, Пределом и всей Белой котловиной. Но я не могу, и вы не можете, и теперь нам обоим придётся с этим жить.

— Я хочу доступ ко всем сведениям о Пределе. И право отказать от работы с ним.

— Будет.

— Письменно.

— Я принёс проект.

Она чуть не рассмеялась. Вместо этого взяла бумагу, и пальцы их на мгновение коснулись друг друга под листом. Оба отдернули руки так одновременно, что можно было заподозрить сговор.

* * *

На следующий день Адриан встретил её в зимнем саду. Здесь росли низкие лимоны в кадках, и листья пахли сильнее плодов, горько и свежо, а над стеклянной крышей медленно плыли серые облака. Стекло запотело изнутри, и по нему стекали медленные капли, оставляя за собой извили-

стые дорожки, похожие на реки на старой карте. Он знал о пожаре и о ссоре: Мира рассказала, не подумав, что это может быть лишним.

— Он искал ключ, Лина. И нашёл тебя.

Детское имя привычно смягчило её. Но сам вывод кольнул.

— Он признал, что был неправ.

— Слова недорого стоят для человека с короной.

— Для посланника тоже.

Адриан посмотрел на неё с удивлением, потом опустил голову.

— Я ревную. И говорю несправедливо. Но я боюсь, что однажды ты научишься оправдывать всё, что он делает.

— Я этого тоже боюсь, — ответила она честно. — Поэтому мне нужны рядом люди, способные возражать. Не выбирать за меня.

Он взял её ладонь, здоровую, правую, ту, на которой зелёный камень поблёскивал в сером свете. Она не отняла. Его пальцы были тёплыми, знакомыми, обнимали бережно, и она вдруг подумала, что с этим теплом можно жить всю жизнь и никогда не замёрзнуть. И что почему-то именно это пугает. Как будто тепло, которое ничего не просит, однажды попросит всё.

У двери слышались шаги. Рейнар остановился на пороге, держа папку с новой хартией. Он был с улицы: на плечах таяли снежинки, а от одежды веяло холодом, и стеклянный

зал, полный лимонных запахов, вдруг показался Элиане тесным.

Взгляд его задержался на их соединённых руках. Задержался надолго. Потом поднялся к лицу Адриана, и Элиана ощутила, как воздух между мужчинами натянулся, как тетива.

— Господин посланник, — сказал Рейнар. — Зимний сад в ноябре. Какая романтическая точка зрения на международные отношения.

— Лимоны не воют, ваше величество, — ответил Адриан, не выпуская её ладони. — С ними легче договориться.

— Я заметил. Они даже не просят пошлин.

— Попросят только света и заботы.

— Как многие. — Рейнар помолчал. — Беда в том, что света и заботы им требуется постоянно. Лимон, который поливают раз в полгода, умирает. Даже если поливают очень красиво.

Адриан побледнел. Пальцы его на руке Элианы сжались.

— Зато лимон, которого держат взаперти под стеклом, никогда не узнает, что бывает солнце, — сказал он.

— Стекло защищает его от мороза.

— Или от выбора.

На стекле над их головами медленно, от рамы к центру, пополз иней, хотя в оранжерее было жарко, как летом. Садовник, возившийся в дальнем углу, уронил лейку. Элиана хотела отнять руку и не смогла сразу: это значило бы при-

знать, что в этом жесте было что-то, что нужно прятать.

— Довольно, — сказала она. — Оба.

Они замолчали. Одновременно, как солдаты по команде, и в другой день Элиана, наверное, рассмеялась бы.

— Я оставлю документы у секретаря, — сказал король.

— Я сейчас приду.

— Не торопитесь.

Он ушёл. Слова были вежливыми, голос холоднее обычного, и дверь он притворил так тихо, как закрывают дверь за покойником. Элиана услышала, как за стеклом скрипнул снег под его сапогами, быстро, неровно.

Адриан проводил его взглядом и неожиданно улыбнулся, коротко, хищно.

— Он ревнует.

— Он раздражён тем, что я не подписала хартию.

— Лина. Я видел его лицо. Так смотрят на то, что боятся потерять.

— А ты рад.

— Я человек. Мне позволено радоваться.

Он провёл пальцем по зелёному кольцу на её руке.

— Ты ещё носишь его.

Элиана осторожно освободила пальцы.

— Ношу. Но это не ответ на все вопросы, Адриан. И не смей больше говорить с ним так. Про стекло, про выбор. Ты нарочно.

— Да, — сказал он, и в голосе его не было раскаяния.

— Нарочно. Потому что он тоже нарочно. Ты думаешь, он случайно пришёл в оранжерею именно тогда, когда я здесь? Во дворце сорок слуг, и каждый из них докладывает ему, где королева. Он пришёл посмотреть. И увидел. Пусть.

Вернувшись, она нашла на столе хартию. Все её условия были внесены. Внизу стояла только подпись короля. Место для её подписи оставалось пустым, и белая полоса бумаги выглядела как протянутая рука, которую никто не спешит пожать.

* * *

После разговора о Пределе Элиана три дня читала архивные бумаги.

Ей выделили стол в северной библиотеке, у высокого окна, выходившего на внутренний двор. Там паж учил щенка приносить перчатку; щенок уверенно осваивал лишь первую половину задания: забирать. Снег за стеклом падал крупными мокрыми хлопьями, и от холода по подоконнику бежали тонкие морозные узоры, похожие на буквы незнакомого алфавита. В библиотеке пахло воском, старой кожей и пыльной бумагой, и от этого запаха клонило в сон и одновременно хотелось читать до утра.

Из документов следовало, что семья Вейров когда-то поддерживала не камни, а соглашения между хранителями. Их дар не мог заставить дракона произнести истинное имя, но мог вплести добровольно сказанное имя в общую сеть. Разница была принципиальной, хотя поздние переписчики ста-

рательно её стирали.

На полях одной хроники Элиана нашла заметку, выцветшую до цвета ржавчины: «Связь, не допускающая ухода, рано или поздно начинает питаться пленником».

Ниже стояло имя её прабабки.

Она переписала фразу и долго смотрела на неё, чувствуя, как по спине ползёт холодок. Потом, сама не зная зачем, посмотрела на своё обручальное кольцо. Потом на зелёное. Ни одно из них не было связью, не допускающей ухода. Но оба почему-то весили больше, чем полагалось серебру.

К вечеру в библиотеку пришёл Адриан с северным словарём под мышкой.

— Мне сказали, ты исчезла среди мёртвых авторов.

— Они задают меньше неудобных вопросов.

— Зато не умеют приносить пироги.

Он поставил на край стола свёрток, от которого пахло яблоками и корицей. Элиана улыбнулась и подвинула ему свободный стул.

Они разобрали несколько страниц вместе, склонившись над общим листом, как в юности. Адриан хорошо знал договорный язык, но магические термины понимал хуже неё, и ей понравилось это новое равенство: раньше он всегда был человеком, который объясняет внешний мир, а теперь мог спросить и выслушать.

На одной странице он задержался.

Там перечислялись старые условия расторжения династи-

ческих браков. Обязательства перед двумя народами могли сохраняться независимо от союза супругов, если их подтверждали советы и свидетели.

— Значит, это возможно, — сказал он тихо.

Элиана положила ладонь на лист.

— Теоретически.

— Не только. Если я добьюсь поддержки авернских земель...

— Ты не можешь обещать мне это сегодня.

— Я могу начать работать.

Она смотрела на него, и прежнее будущее, которое казалось наглухо закрытым, вдруг снова обрело дверь. Не открытую, но настоящую. Дом с водяным колесом. Жизнь, где её выбор не стоил бы мешков зерна. Адриан смотрел на неё так, как смотрят на огонь после долгой дороги: боясь поверить, что он настоящий.

И она вдруг поймала себя на том, что не чувствует того, что должна была почувствовать. Не было ни радости, ни облегчения. Было что-то другое, похожее на испуг: как будто ей показали дверь из дома, в котором она только начала обживаться, и сказали, что выходить можно в любую минуту. Она отогнала эту мысль. Она была нелепой.

— Не делай этого за моей спиной, — сказала она.

— Я расскажу тебе всё, что узнаю.

Он произнёс это уверенно. Элиана поверила: не бездумно, а потому, что всё ещё хотела верить.

Когда он ушёл, она заметила пропажу одной страницы. Не той, о браках. Листа с описанием боковых ответвлений Предела.

Сперва решила, что сама переложила его. Проверила папки, заглянула под стол, перетряхнула стопку книг. Потом позвала библиотекаря. Тот сообщил, что днём бумаги смотрела Нерилис: Саэль попросила уточнить древние названия.

На следующий день Саэль сказала, что никого не просила.

* * *

Рейнар пришёл поздно, когда Тора уже закрывала комнату для посетителей. Он вошёл один, без свиты и без короны, в тёмном жилете, застёгнутом не на те пуговицы. Две пуговицы вошли в чужие петли, и жилет перекосило. Элиана заметила это раньше, чем взглянула ему в лицо, и почувствовала, как к горлу подкатывает невозможная, дурацкая нежность: король, который проверяет каждую подпись, не смог застегнуть жилет одной рукой. Вторая была в бинтах, и он, конечно, не позвал камердинера.

— Я слышал о странице.

— Она исчезла.

— Вы подозреваете Нерилис?

— Пока я подозреваю того, кто взял её без разрешения.

Это точнее.

Он положил на стол лист с собственными заметками: список людей, имевших доступ, и время каждого посещения.

— Я не прошу вас передать расследование мне. Хочу

лишь, чтобы у вас были те же сведения, что у меня.

— А если мои выводы приведут к вашему канцлеру?

— Тогда я буду обязан проверить их.

— И если подтвердятся?

Рейнар не ответил сразу. Свеча чертила на его скулах тени, и в этих тенях лицо казалось старше.

— Тогда должность станет меньше имени.

Элиана встала, обошла стол и, прежде чем успела передумать, протянула руки к его жилету. Он замер. Она расстегнула две неправильные пуговицы и застегнула их как следует, медленно, по одной, не поднимая глаз. Ткань под её пальцами была тёплой, и под ней ровно и тяжело билось сердце. Ей казалось, что она слышит его сквозь собственные пальцы.

— Вот, — сказала она. — Теперь вас можно пускать в совет.

Он не шевелился. Она чувствовала его дыхание у себя на волосах и не смела поднять голову, потому что знала: если поднимет, то не сможет сделать вид, что ничего не случилось.

— Спасибо, — сказал он хрипло.

— Это пустяк.

Он услышал свои собственные слова и тихо рассмеялся, и смех этот прошёл через неё, как тепло проходит через замёрзшие руки, болезненно и сладко.

Уходя, он оставил заметки на столе, но подвинул их так, чтобы они не касались её бумаг.

Она ощутила неприятное узнавание, когда снова села за стол. Исчезнувшая страница была именно той, где отмечались места, с которых легче всего услышать след её дара.

Она сообщила Торе, но имени Адриана в перечне посетителей не скрыла.

Тора перечитала запись и поставила подпись. Имя Адриана осталось в списке.

* * *

Поздно ночью, возвращаясь к себе через малую гостиную, Элиана увидела, что в камине ещё тлеют угли. На решётке, у самого края, лежал полуобгоревший лист. Бумага была плотной, казённой, с тиснёной печатью канцелярии: Элиана узнала её сразу, такую же печать ставил Кельт на ведомостях. Огонь съел большую часть, но край уцелел, и на нём ровным писарским почерком было выведено:

«...в задней комнате книжной лавки на нижнем рынке. Посланник Орсин. Встреча продолжалась около часа. Наблюдатель через окно засвидетельствовал, что её величество и посланник...»

Дальше бумага обуглилась. Но одно слово, на самом краю, огонь пощадил. Оно было почти чёрным, но читалось.

«...поцелуй...»

Элиана стояла над камином, и лист дрожал у неё в пальцах. Она не помнила, как его взяла. Помнила только, что в гостиной стало очень холодно, а угли в камине больше не давали тепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.